

Глава 25

В кармане сиротливо лежал последний рубль, извозчик подвернулся почти сразу, и Алексей каждую минуту его подгонял. На душе скребли кошки. Эльвира казалась уже не заблудшей овечкой, а матёрой волчицей, хитрой, жестокой. Своих сородичей волков пустила в загон под пули охотников, сама, поди, Москву покинула и давно следы замела. Что деньги пропали, он не сомневался, лишь бы вреда не причинила друзьям. Возле дома Беловых почти успокоился: волчица зубы пускает в ход всегда по крайней необходимости. Его, дурака, провела, а ведь могла дубинкой приласкать, могла пристрелить. Если только обманула их, и на том спасибо.

Дверь открыла радостная Варвара. С порога восхищённо затараторила:

— Какая рассказчица Эльвирочка, ты болтать горазд, а ей в подмётки не годишься. Она в Турции частенько бывала и все тамошние нравы знает. А как про красавицу Одессу рассказывает!

— Про Одессу?— растерялся Алексей.

— Да, про Одессу, где жила много лет, и не сожалеет, что уехала. Нравственность там в крайнем упадке, влияние Запада. Из-за этого покинула развращённую среду и обосновалась в Москве. Считает, для девицы здесь куда пристойней.

— Чем она в Одессе занималась, не говорила?

— Говорила. Честным трудом добывала хлеб. Занималась воспитанием. В ней чувствуются ум и образованность. Говорила, что иногда богатым людям помогала удачно вкладывать деньги. Ещё как тайный агент многим содействовала полиции.

— Как она точно о себе выразилась! — подтвердил Алексей, вспоминая изворотливую Волчицу. Уж такого туману напустить... Так вывернуться... На подобное способна редкая мошенница. Друзей

Дмитрий РЫМКЕВИЧ

г. Петрозаводск

нельзя расстраивать, пусть тоже о ней хорошо думают. Решил поддержать обманчивую иллюзию:

— Я выяснил кое-что про неё, особенно насчёт вложения денег. Мозги мигом вправит любому. За сегодня одной пожилой супружеской чете уже вправила. Я так понимаю, судя по тишине в вашем доме. Благочестивая девица покинула вас?

— И не думала. Костенька маленький спит, они тихо разговаривают в гостиной. Сенечка, рот разинув, слушает.

Алексей одурело уставился на Варвару, но быстро нашёлся:

— Я рот разевать не собираюсь, но слушать её готов долго.

— К Оленьке своей езжай. Впрочем, я совершенно спокойна. Эльвира красива, обаятельна, но умеет держать себя в достойных рамках. Ты давно уже на неё рот разинул, прикусишь язычок, и тебе это на пользу. Позвать её?

Как маленькая девочка, спешащая за дорогим подарком, Эльвира подбежала и остановилась в двух шагах. Едва заметно пару раз подпрыгнула с прижатыми к груди руками, глаза излучали искреннюю радость.

— Вы быстро управились. Эконом со страху во всём признался, Нила вы убили. Не так ли?— продолжая с умилением смотреть на Алексея, спросила Волчица.

— Ты проникательна. Всё так и было. Почти полночь уже, навестим Евгения Николаевича, — устало сказал полковник, позёвывая, и отвёл взор, лишь бы не видеть раздражающую фальшь. Разыгранная прожжённой мошенницей пантомима на этот раз осталась без аплодисментов. Его сердце больше не содрогнется, как бы дьявол ни исхитрялся.

— Разберёмся до конца, — весело откликнулась мошенница.

Прощаясь, Варвара расцеловала Эльвиру, супруг чувственно трижды приложился к её руке.

На тёмной лестнице Алексей не сдержал своего раздражения:

— Что ты им плела три часа подряд?

— Я вас выручала, старалась не подвести. Кто меня тайным агентом назвал?— сделав кислое лицо, обиделась авантюристка.

— Слов нет, и упрекнуть тебя не в чем... Кстати, у тебя нет рубля на извозчика? Поиздержался.

— Вы бы на Маслову меньше тратились. Кутёж устроили в номерах... С таких, как она, получают всё даром. Я сама расплачусь и дам полтинник. Нечего Ванек баловать.

Алексей смиренно проглотил горькую пилюлю.

В пролётке всю дорогу молчали, побаливала голова, хотелось спать, раздражение нарастало. Все мысли блуждали вокруг Эльвиры: «Хитрая ты, Волчица, и ясно, почему не сбежала. Пол-миллиона отхватить и вдобавок иметь во мне надёжную опору — это куда разумнее, чем миллион. До чего же умна, расчётлива. Я к императорской семье близок, почти генерал. Нет, я уже генерал. За побитую мясницкую шайку произведут. И она это прекрасно понимает. Знает, что я могу протекцию составить, выгашить её из любого дерьма. Начинала карьеру проституткой, приобщилась воровать, теперь замахнулась на баронский титул, не иначе. Я тебе устрою. Голой выкину на улицу без гроша... Хотя Никиту пожалел и не думал сдавать полиции — он меня в бою выручал. Эльвира тоже помогла и тоже в бою. Порфирия схватила, насчет Нила предупредила. Метнул бы нож — и конец мне. Раз доверилась, пожалею. Три тысячи пусть забирает, и с глаз долой».

Возле своего дома Эльвира нарушила молчание:

— Я вам доверилась, вы не забыли?

«Она мысли читает? Я только об этом подумал». Он не подал ей руки, выходя из пролётки, и почему-то ещё сильнее обозлился на неё.

В апартаментах она зажгла в гостиной трёхсвечник, постояла пару мгновений возле трупа Колбасникова, набожно перекрестилась. Этим опять не угодила, услышала упрёк:

— Ты бы о своей душе помолилась. Если перешла из иудейства в нашу веру, тебе имя положено носить православное. Не слышал в святках про Эльвиру.

— Так как мне быть? — с отчаянием вскричала пленница.

— Как тебе быть? Принеси шампанское и бокалы, а потом подумаю, как тебе быть и кем быть,— презрительным тоном приказал полковник.

Эльвира торопливо зажгла свечу и удалилась в кладовку. Алексей взял припрятанный под шалью пистолет, вынул капсюль, ловко подковырнул булавкой гремучую смесь. «Я тебя дове-

ду, голубушку, выстрелишь в меня, выстрелишь». Он успел вовремя сесть на диван и устало зевнуть. Она не заметила хитрого маневра.

— Наливай в бокалы, я ужасно устал, — прозвучала команда.

Эльвира выпила полбокала и отложила, Алексей осушил залпом и вдруг брезгливо скорчил лицо, заметив третьего компаньона:

— Ты рядом с покойным любовником вкушаешь. У Нила пулей мозги вышибло, твой приятель Эконом блевал десять минут, а тебе нипочём.

Недопитый бокал с силой полетел в стену, нежная женская рука ухватила за горлышко бутылку, подержала мгновение, слегка облилась, потом швырнула её об пол. В глазах уже не страх, искры какие-то. Алексей сам не понимал, зачем это делает. Тут и усталость сказывалась, угнетало и не давало покоя её грязное прошлое.

— Ты думаешь, я делиться с тобой собрался? — с ядовитой ухмылкой заговорил он. — Я гроша не возьму из ворованного. Мне деньги кровавые одно горе принесут. Мне удачи больше не видать, если чужое возьму. Ты помогла, не скрою, я похлопочу в сенате, с Великим князем я близок, тебя не оставлю. А ты подумай, что тебя ждёт? Все твои грехи соберут в кучку: кому ты башку проломил, кого обокрала, много наберётся. На каторжных работах цинга, всяких болячек вдоволь. И вот лет через десять поплетётся беззубая старуха по ухабистому тракту, нищая, оборванная. В каком-нибудь трактире пристроишься за пьяными блевотину убирать. Это сейчас мужчины перед тобой стелются, а потом извозчики как от чумной шархатятся будут. Что стоишь, как воды в рот набрала?

Эльвира посмотрела с укоризной, и нет бы пощады попросить, вздумала возмутиться:

— Когда Евгений свёл счёты с жизнью, я уже знала: вы не возьмёте денег и мне не дадите. Неужели я глупая такая?! Неужели не разбираюсь в мужчинах?! Видать, плохо разбираюсь. Я вам доверилась, захотела отдать себя в сильные руки... Потребность во мне покориться сильному, смелому, благородному. И только сейчас поняла, что в очередной раз ошиблась. Доверилась не тому человеку. Вы слабый. Это слабых распирает гордость от собственного величия. Всех побил и дай-ка тебя ещё помучаю. Я беззащитна, так можно

поиздеваться, бить меня не посмеете, а вот унижить, показать, насколько я ничтожна и порочна, это легко, мне же нечем ответить. Полиции не отдадите, таким батюшкой, духовным наставником себя выставите. Уже давно про себя решили дать мне тысячу или две, прочитайте напутственную проповедь, и вон отсюда. Нет, не так. Ещё обнимете меня, прижмёте к себе, поцелуями прощальными наградите... Как бы по-отечески, а на самом деле из-за слабости. Ну, безгрешный! Кидай в грешницу, блудницу камни!

Всплеск горьких откровений Алексей принял за обычную женскую истерику. Не оскорбился и в чём-то осознал её правоту. Однако не вовремя вспомнился негодяй Любавин, и полетел увесистый камень:

— Ты Евгению доверилась, Любавину покоришься, как мне тебя понимать?

Она прикусила губу, смотрела на него обиженно, с каким-то осуждением, будто было за что сердиться.

«Привыкла, поди, что тебе прощается всё, — с раздражением думал он.— Воровала, блудила, я стал походить на покойничка Евгешу, поддался твоим чарам. Точно так же тебя из тюрьмы выволяю. Но обещание не нарушу, собью спесь, и пусть выметается». Не хотел он более замечать, что и она сотворена по образу Божьему, и что возможно раскаяние, и что сам далёк от совершенства. Теперь гордый царь, восседая на троне, снизошёл до помилования жалкой, грешной рабыни, которая смела ещё перечить.

С полминуты грешница, содрогаясь, сглатывала слюну и вдруг, качая головой, произнесла:

— Не суждено мне быть понятой. А так хочется оправдаться... — Эльвира нетвердой походкой подошла к столу, печально глядя на Алексея. Он сидел нога на ногу, насупившись, молча наблюдая. Она постояла ещё полминуты и резко вытащила пистолет:

— Вы их убили, и совесть не дрогнула, а за меня вам не простится!

— Ты что задумала? — воскликнул он.

Дрожащая рука направила на него ствол.

— Вы, вижу, не боитесь умереть, а я боюсь. Не могу пока, не получается...

Алексей неожиданно переменялся и проникся к ней жалостью. Видел неподдельные слёзы, отчаяние и нерешительность. Похоже,

она задумала убить себя. Решил назидательно успокоить:

— Там же хуже будет. Одумайся! Всё, что имеешь, с собой унесёшь. Евгеша, думаешь, от суда и бесчестья сбежал? Черти душу теперь терзают! Здесь надо крест до конца нести.

— А я не хочу опять в грязь падать! — простонала Эльвира. Два красных огонька, отразившись от горящих свечей, сверкнули с тоской и скорбью. — Вам за меня тоже ответ держать! Заберите себе в дом мою икону Марии Египетской! Меня бросили вы, растоптали мою доверчивость, хоть образ святой примите с любовью!

Она стояла в нерешительности, мелко дрожала, лицо ее покрылось испариной.

Трогательное мгновение не вразумило до конца Алексея. И вроде жалко ему было бедненькую, но фарса так и не получилось. Задумал — ан не вышло! Взял да брякнул:

— Дура ты! Умная давно бы миллион прибрала.

Она сжала губы, отрицательно мотнула головой.

Алексей сорвался с дивана, Эльвира поспешно двумя руками приставила пистолет к сердцу. Тяжело дыша, откинула голову. Через какую-то секунду послышался надрывный стон и щёлкнул курок. Обмякшее тело рухнуло на пол. Стукнулась бедняжка головой.

Он подскочил:

— Эльвирочка, жива ли ты? Ты меня унизила, показала, кто я есть на самом деле. Сам себя не прошу, и мне не простится бесчувствие, — с жалостью прошептал он возле распростёртого тела. Присел возле неё на колени, взялся за кисть руки. Пульса нет, лицо серое, ни кровинки. Никогда ещё в жизни не ощущал себя таким жалким и беспомощным. Прижался губами к её глазам и вроде почувствовал лёгкий трепет. С надеждой поднял на руки, а куда нести? На диване неудобно, решил в спальне уложить на кровать. «Тяжеловата, Оленька на целый пуд полегче, она у меня худенькая, воздушная. Ты бы, Эльвирочка, жива была», — подумал Алексей.

Из гостиной принес зажжённый трёхсвечник. Поставил его на бюро, и сразу бросилась в глаза икона с образом Марии Египетской. Строгий лик великой праведницы, некогда блудницы, смотрел на него. По полям иконы свисал вышитый ручник, рядом, на серебряном блюдечке, аккуратно лежала щепотка ладана, едва тепли-

лась неугасимая лампадка. Выглядело всё так трогательно, ощущалась всюду заботливая рука. У Алексея сжалось сердце, выступили слёзы. Он присел. Приподняв голову несчастной, положил себе на колени. Интуитивно почувствовал, что она жива, лишь бы сердце выдержало. А если воздуха не хватает?

Строгое платье с изумительной белизны кружевным воротничком, без модного декольте, застёгнуто было выше ключицы, у самого горла. Стал расстёгивать, дошёл до корсета и слегка заколебался, но уж больно тесёмки туго, надо ослабить. Дернул за бантик, слегка прикасаясь к груди, раздвинул ослабленную материю. Увиденное вызвало ещё один порыв жалости: выше ключицы, ниже, всюду виднелись небольшие шрамы. Где-то белые, где-то синеватые. Как будто с десяти шагов стреляли в неё крупной дробью. И в этот момент ощутил её дыхание. Жива. Задёрнулись веки, вот-вот должно было вернуться сознание. Забыв про корсет, он быстро застегнул платье. Глаза несчастной открылись и совершенно отрешенно смотрели на него.

— Ты упала, бедненькая, не больно? — сочувственно произнёс Алексей.

— Не больно. Почему у вас слёзы, что было? — тихо прошептала Эльвира.

— Ты упала, упала. Вспомни.

Она завздохала и отвернула лицо:

— Я ранила себя, да?

— Нет, осечка. Пистолетом давно не пользовались, и не мудрено. Ты мне покаяться хотела, ждала от меня сочувствия, понимания, а я тебя в один ряд с Любавиным и Мясником поставил, — Алексей принялся перебирать её волосы, горько переживая о случившемся: — Прости меня, милая, нет мне оправдания. Я не достоин твоего доверия, давай лучше наоборот. Я тебе доверяю и покоряюсь. Я не менее грешен, сам порой в грязь падаю и не замечаю. Я устал, от Эконома наслышался гадостей про тебя... Сорвался. Прости меня.

На её лице скользнула лёгкая улыбка:

— Мне же надо чем-то отплатить за доверие. Чем?

— Ты для меня загадка, Эльвира. А почему Эльвира? Ты же не Эльвира, признавайся? Ты не турчанка, назвалась какой-то Марией... Мария, что ли? Ты не мусульманка. Иначе зачем тогда икона Марии?

— Так, так. Я на самом деле Мария, — доверчиво прошептала загадка.

— Машенька, расскажи всё о себе. Чистую правду, всё как есть. Я не призываю ангелов в свидетели, и я не священник. Не усомнюсь в твоих словах, буду верить.

— Смотри, сколько ангелов вокруг. Лучше уж при свидетелях. Устанете слушать, но правда, очень хочется раскрыться.

Глава 26

— Я хорошо помню наше большое село рядом с Дунаем. В России такое село вполне сошло бы за уездный городок. У нас жили румыны, русины, мадьяры, евреи, несколько семей оседлых турок, и кого только не было. У России давно слюнки текут отбить эту территорию, но она до сих пор под турецким протекторатом. Насколько я помню, особых тревог и страхов это не вызывало. Отец мой еврей, мать румынка, я была старшей в семье. Вопреки всем отцовским пожеланиям, меня ещё во младенчестве крестили в православную веру. Нарекли Марией. Мы считались самыми богатыми в селе, и с детства мне давали хорошее образование. Учили музыке, французскому, хорошим манерам. Мать во мне души не чаяла и часто предрекала удачное замужество за богатым румынским боярином. А как она меня захваливала! И красавица, и умненькая, и какая я бойкая. Помню себя перед ужасными событиями, перевернувшими мою жизнь, мне четырнадцать лет было. Ходила гордичкой, на всех смотрела свысока, бывало, на слуг покрикивала, а в мыслях как я грешила!

В июне мне пятнадцать исполнилось, а третье августа я запомнила на всю жизнь. Налетели на село конные черкесы. Днём беда случилась, я возвращалась с гулянья, шла нарядная, красивая. И вдруг свист, гиканье, несколько выстрелов. Откуда-то из-за спины возник всадник, подхватил меня и перекинул через седло. Я завизжала в страхе, задёргалась, получила удар по голове и очнулась уже в сумерках, неизвестно где, в каком-то перелеске.

Находилась в полузабытьи, мутило меня, голова гудела. Может быть, оттого, что везли меня вниз головой или от удара, не знаю. Увидела над

собой ухмылистую рожу того, кто украл меня. Вы, русские, изгнали черкесов из родных мест, вот они и мстят гяурам. Они все для них русские. С добычей не церемонились, зачем вам подробности. Помню, везли через Валахию, и уже на третий день я сбежала.

Шагов сто не добежала до какого-то хутора, ума не хватило зарыться в стоге сена. Поймали. Предводитель отряда опять меня через седло перекинул, и я уже его добыча была. Знал он чуть-чуть наш язык, и я пыталась уговорить его вернуть меня назад за выкуп. Как только ни уговаривала, плакала, и показалось, что уговорила. Если бы так. Меня и ещё двух мальчиков лет по семи отдали двум старикам, и вниз по Дунаю поплыли мы на большой лодке. От всех потрясений я была как скелет тощая, и просто не хватило сил сбежать. Потом на шхуну попала. Там я окончательно поняла, что уже не вернусь домой. От отчаяния бросилась за борт. Не приняло меня море. Стоял штиль, какой-то матрос увидел меня. Вытащили. Я наслышалась в достатке ужасов про невольничьи рынки на Востоке и, представляете, будучи почти ребёнком, поставила себе цель вырваться из неволи или умереть. Даже аппетит появился. Довольно быстро доплыли до Константинополя, мне надели паранджу и на телеге ещё почти сутки везли.

Попала в какую-то деревню. В доме, куда меня определили, одни женщины и дети малые жили. Никто не знал нашего языка, они меж собой переговаривались, тыкали в меня пальцем, посмеивались. Первые дни ко мне проявляли сочувствие. Я не сразу поняла, что попала в дом предводителя черкесов рабыней или наложницей, но всяко не четвертой женой. У него было три жены. Знаками и обязательно с улыбкой просили меня помогать по дому: что-то помыть, прибрать, вынести помой, и так потихонечку приобщали трудиться. Две стены были увешаны оружием: всякие сабли, ятаганы, ружья, пистолеты. Я с удовольствием протирала их от пыли и всё мечтала поквитаться за себя, отомстить. Бывало, сниму саблю и рубану сплеча. Кинжал училась прятать под одеждой и почувствовала в себе силу. Поняла, что убью ради свободы. Я с виду смирялась и тоже улыбалась, но мечтала об одном — сбежать. До Константинополя рукой подать, сперва думала обратиться на английский или французский

корабль. Может быть, и правильно, что не решилась, мне было всего пятнадцать, языка не знала и наверняка попала бы в какую-нибудь передрагу, впрочем, так оно и произошло.

Месяца через три в доме слёзы и стенания случились — убили в какой-то стычке моего повелителя. Прошло ещё немного времени, и меня увезли в Константинополь. Дарили на прощание всякую ерунду, чебуреков надавали, лепёшек. «Продавать везут», — с ужасом подумала я и приготовилась к побегу. Лишь спустя много лет узнала, что меня хотели вернуть домой за выкуп.

Попала я под опеку двух стариков, тех, что увозили меня из Валахии. Я уже была другой, окрепла, набралась сил. Мы в Константинополе заночевали в какой-то халупе, и утром, когда старики постелили коврики и начали молиться, я убежала. Прихватила кинжал и тощий кошелёк. Я тогда даже не думала, что ворую, и мыслей таких не было. Меня саму украли, сколько пришлось перетерпеть, и то, что взяла, это законная добыча, это моё. Мне нужны были деньги, куда без них? Одетая я была мусульманкой, лицо паранджой закрыто. По запаху учуяла, где море, несколько раз сбивалась с дороги, а спросить не у кого, языка не знаю.

Ближе к вечеру добралась до моря, до самого порта. Едва ноги под собой ощущала, ходила меж причалов, вглядывалась в лица моряков, ища европейцев. Услышала, двое по-французски говорят и внешне более светлые, на турок не похожи. Я с ними кое-как изъяснилась: «Меня украли, я румынка, хотели продать на невольничьем рынке, спасите меня». И даже деньги показала, расплакалась, попросила во Францию отвезти, а там бы нашла добрых людей, чтобы попасть на родину. Одного хорошо запомнила, двух зубов передних не было. Вот он заулыбался, взял меня под руку и отвёл на шхуну. Смотрю, два негра появились, араб... Почувствовала неладное, да поздно. Те искали проституток и посчитали, что им очень повезло. А мне ещё одно испытание, команда из шести человек. Утром выпроводили меня и в кошелёк подкинули какую-то мелочь, но кинжал им приглянулся, себе забрали. Я поплелась куда глаза глядят, хоть в море кидайся. Потом села возле дерева, рыдала, рыдала от отчаяния и заснула. Проспала час или больше, не знаю.

Будят. Вижу перед собой солидного турка в го-

дах, вокруг спуют слуги. Подумала, он важный чиновник, я же подданная Османской империи, неужели кругом одни негодяи? Они у меня что-то спрашивают, я не понимаю, я им говорю, они не понимают. Рыдаю, бросила свою паранджу в ноги господина, и снизошли до меня, вежливо взяли под руки и повели. Вскоре нашёлся переводчик, и я, захлёбываясь слезами, рассказала о том, как похитили меня. Лицо доброе у господина. Нахваливал меня, что в свои пятнадцать нашла в себе решимость бежать. Пообещал опеку и заступничество. И только спустя некоторое время Ибрагим, так звали моего заступника и опекуна, откровенно признался. Не была бы я так красива и не затронула его сердце, отправил бы меня домой, снабдив всем необходимым.

У русских говорится: не родись красивой, а родись счастливой. Задумал меня счастливой сделать. Добрый был человек, и дураком боюсь называть, да только превратно понимал, что для меня означает счастье. Еды вдоволь, гуляй по райскому саду с мандариновыми и персиковыми деревьями, гоняй слуг и евнухов, спи, бездельничай, вот это счастье! Меня поместили в прекрасную гостиницу, служанка ухаживала за мной. Вечерами при переводчице я рассказывала про свою жизнь Ибрагим-бею, а он слушал и причмокивал губами: «Вах, вах, вах».

Потом внезапно уехали. Целый караван длинной с полверсты поплёлся в глубь Турции. Меня, оказывается, погостить пригласили, только не спросили моего согласия. В золочёной карете с изящной кроватью я сидела одна. Временами, низко кланяясь, заходила служанка, еды и питья приносила. Смешно сказать, мне даже для нужды дали серебряный горшок. На привалах я гуляла, но обязательно в парандже. Непозволительно, чтобы всякие грубые погонщики видели моё лицо. Ибрагим-бей ради меня взял переводчика, да и карету, не сомневаюсь, тоже ради меня купил. А я уже тогда сообразила, что восточное гостеприимство — корыстное.

Приехали в Эрзерум, мой Ибрагим оказался одним из самых богатых людей всего турецкого востока. И, как вы догадываетесь, из гостыи я вскоре стала его любовницей. Без всякого принуждения, мне просто деваться некуда было. Для европейца быть любовником или любовницей означает тайно предаваться любви. У нас любят посудачить, кто там с кем и ай-яй-яй. У

них не смеют рта разинуть. Взял сотую жену, ещё одну наложницу или рабыню — о, какой достойный человек, какой богатый человек, пойдём в ноги ему поклонимся. Если вы знаете: там за калым жён покупают. Купил меня, значит, я ему принадлежу, его вещь. Я не имею права лицо показывать другим мужчинам, оно не моё. Я это говорю, чтобы вы поняли, какво быть женщиной на Востоке.

Ибрагиму тогда было пятьдесят три года, совсем ещё юноша, ну, постарше чуть-чуть, на каких-то лет сорок. Милый толстячок, добродушный, незлопамятный, и это, пожалуй, все достоинства. Со мной с первых же дней занимались турецким, и очень быстро я научилась понимать. Значительно позже выучила арабскую грамоту, смогла читать. Для сладострастного Ибрагима я была прохладным источником, персиком, райской птичкой. Не была его женой, долго объяснять все тонкости турецкого законодательства, но он у меня каждый пальчик ноги облизывал. Торговые дела забросил и, что ни день, восхищался мною.

Насильно менять веру меня не заставляли, в городе жило много армян, греков, курдов. Были две православные церкви, я могла посещать их когда вздумается. Ходила в парандже и с провожатыми, меня ждали и провожали обратно. Носила нательный крестик, в комнате держала иконы. Ибрагиму, это по-нашему Аврааму, очень льстило, что под образом прародителя арабского народа горит лампада.

Его очень удивляло моё желание хоть когда-нибудь уехать на родину. Тупо убеждал, что жизнь в его дворце — сущий рай. Но это была не моя жизнь. Тоска преследовала меня постоянно. Чтобы не ожиреть от безделья, я занялась танцем. Пузатый владелец поощрял моё стремление совершенствовать тело, выписал известную на весь Константинополь танцовку, и я изо дня в день постигала это искусство. Не ради ублажения повелителя, а ради себя, ради своей воли, гибкости тела, силы. Отсюда и походка, и с дубинкой обращаться умею.

Родила ему сына, после этого он позволял себе на меня покрикивать, если только заикнусь о возвращении домой. Он не охладил ко мне, я по-прежнему была его драгоценной жемчужиной. Зато мне он надоел до чёртиков, сил уже не было притворяться. Горький опыт научил, что убе-

гать надо наверняка. Как ни любила своего мальчика, но с ним бежать нельзя, и я заставила себя смириться с тяжёлой потерей. Я знала, где Ибрагим хранит деньги, и потерянные три года своей юности оценила очень дорого. Пусть расплачивается за жемчужину.

Придумала перед побегом остричь волосы, переодеться в юношу и уйти с купеческим караваном в Тифлис. Подготовила одежду, примерялась, чувствую — сумею, нет ничего опасного. В Тифлисе надеялась попасть к главному русскому генералу и всё рассказать о себе. Я православная, я красивая, у меня есть очень много денег. Мыслей не возникало, что деньги ворованные. Мой трофей, добыча, добытая с риском. Шла ради свободы на отчаянный шаг — за такое в Турции принародно головы лишают. Пожила в райской тюрьме, хватит.

Меня продолжали сопровождать в храм, но там два входа. Ждали возле одного, пока не закончится служба, а я решила уйти через другой. Разве я не в тюрьме жила, если даже в церковь меня водили под конвоем? Приучила свой конвой, что могу посещать храм с узлами и тюками для одаривания нищих. Мусульмане тоже чтут благотворительность.

Два с лишним месяца ждала, пока уедет мой повелитель по торговым делам, и дождалась. Узнала день, когда купцы поедут в Грузию, и с трепетом в сердце ждала своего часа. Мои древние предки покинули Египет ради свободы на обетованной земле. У иудеев праздник Пасхи с оттенками горечи. Мне тоже было горько, нелегко, ой как нелегко. Вскрыла заветный ларчик Ибрагима и целый узелок золотыми монетами набила, другой — ассигнациями. Там были английские, французские и вроде даже русские деньги. Серебра много, да тяжело, не стала трогать. Со страхом и ухмылочкой упаковывала сокровища. Попил Ибрагимушка из прохладного источника, подержал райскую птичку в своей клетке и довольно. Дальше всё пошло как по маслу.

Вышла из церкви, переделалась в укромном месте, там же остригла волосы. Так себе грудь стянула, как будто не было её у меня никогда. Пристроилась к каравану, и к вечеру тронулись в путь. Сняла, глупая, крестик с себя, испугалась, вдруг кто увидит ненароком. А дальше случилось ужасное. Я не решаюсь расска-

зывать. Всё, что мне выпало пережить, вспоминаю с содроганием. Давайте лучше выпьем по глотку шампанского, я схожу.

– Машенька, ты полежи, я сам принесу.

– Вы не найдете в кладовке.

– Нам хватит бутылки, что ты швырнула на пол. Не всё пролилось.

Алексей налил полный бокал, выпили пополам. Мария попыталась сесть с краю кровати, но кто ж ей позволит? Оказалась надёжно стиснутой со спины, в чёрные волосы окунулся подбородок слушателя.

– Прохладно ночью, так нам теплее, и ты можешь спину облокотить, — нашлось оправдание.

– Продолжай.

Глава 27

Шли мы с товарами довольно медленно, уже Карс минули, и до Кутаиса совсем мало оставалось. Переночевали и днём должны были войти в российские пределы. Утром проскакал турецкий разъезд, помахали нам руками и скрылись. Мы тащились через пригорок, лошади едва ползли гружёные, их хлестали, подталкивали телеги, а меня, не буду конфузничать, нужда заставила удалиться в кусты. Тут слышу свист, гиканье, вопли перепуганных людей. Четыре года прошло, и я тут же вспомнила нападение черкесов на наше село. На караван налетела шайка разбойников-курдов, и началась ужасная резня. Стоны, кто-то побежал, их настигли и безжалостно зарубили. Я — единственная женщина, и та переодетая. Прижалась к земле, жду неминуемой смерти. Недалеко отошла, всё равно найдут. Обрывками про себя молитвы читаю и не могу крестик найти — запропастился куда-то. Слышу, совсем рядом молят пощадить, потом предсмертные хрипы. Ужас мною овладел. Лежу с закрытыми глазами, проходит минута, две, чувствую, меня грубо хотят ногой перевернуть — проверить, жива я или нет. Открываю глаза, а уже курд наклоняется с кинжалом. Они всем для надёжности горло перерезают. Кричу в отчаянии: «Я женщина, я женщина, у меня денег много!» Он рвёт на мне рубаху, видит, я на самом деле женщина, и не знает, что делать. Подзывает своих. Уже стонов не слышно, они всех перерезали.

Подходят человек пять, расступаются перед старшим. Не готова я была к смерти, всё так случилось неожиданно. Я знаю, есть сильные люди, никогда не будут молить о пощаде. Я же взмолилась. Потом, бывало, в лицо могла плюнуть — убей меня! — а тогда не смогла. Залепетала от страха что-то и всё рукой показываю на телеги с товарами, там у меня все деньги были припрятаны. Вожак к горлу мне приставил окровавленную саблю и долго в лицо вглядывался. Приглянулась. Рывкнул на своих, те засуетились, заспешили. Рубят тюки с товарами, выскивают, что подороже, шарят по убитым, распрягают лошадей. И я среди этой разбойничьей своры.

Подбегаю к повозке и прямо в ноги вожаку сыплю ассигнации и золотые монеты. Три таких каравана столько не стоят. Он даже шархнулся, увидев мои сокровища. Заухмылялся, велел мне всё подобрать, распорядился побыстрее сворачиваться. Они, видать, сами побаивались турецкого разъезда и с тревогой часто озирались. Похватали, в две повозки погрузили серебряные изделия, парчу, а всё остальное побросали. Меня в арбу кинули и помчались неизвестно куда. Гнали до самой ночи, пока коней не уморили. Встали возле источника на ночлег. Опять я досталась вожаку.

Думала разжалобить хоть чем-то. «Я мусульманка, турчанка, можете за меня выкуп затребовать». Как бы не так. Турок кочевые курды ненавидели больше, чем русских. Я жила в гареме и слышала про недавнее восстание. Где-то рядом с Эрзерумом разбили курдских повстанцев без жалости. Я тоже без жалости готова была зарезать вожака его же кинжалом. Не успела. Связал меня по рукам и ногам так, что я пошевелиться не могла. Через час не в силах была терпеть. Затекали руки и страшно болели. Заголосила, принялась умолять расслабить узы. Подошёл какой-то разбойник и помог, сделал полегче. Спрятал лицо под тряпкой и воспользовался моей беспомощностью. Позарился на добычу вожака, за такое не прощают.

Потом ещё два дня мчались. Слева горы, справа степь, везли чёрт знает куда. Потом узнала: мы попали в Персию. Большой лагерь, палатки, всюду вооружённые люди, но и женщины изредка попадались. Там таких разбойников несколько тысяч наберётся. Около недели я прислуживала своему владыке. Знал он

турецкий, но для него унижительно разговаривать с женщиной. Два-три слова скажет и довольно. Пнёт ногой меня, тыкнет в медный чан, и я ему мою ноги. Одежду его в ручье стирала, нечистоты закапывала, спать мне позволялось как собаке, у него в ногах. Раз десять хотела его зарезать и сама себя отговаривала: «Мария, ты сильная, ты сбежишь, потерпи». И я терпела унижения, кое-что выяснила от других женщин, а как обрадовалась, узнав, что с того места, где расположился лагерь, всего пятнадцать вёрст до России. Стала готовиться к побегу, украли чьи-то шаровары, а иначе как на коне? Узнала, где пасутся кони, оставалось ещё кое-что выяснить, да подумывала — воткнуть кинжал в горло хозяину. Не позволила судьба: в кости меня проиграл. Пропали шаровары, но мечта моя не пропала. У нового владельца вроде характер помягче, мог и поговорить со мной. Курдский язык совсем не похож на турецкий, он ближе к персидскому. Хозяин турецким хорошо владел, и я ненароком выпытала, что со стороны России ближайший аванпост в пятидесяти верстах. А тут ещё резко началась зима. Ветер холодный, проливные дожди. Оставалось терпеть и ждать.

От нервного истощения я превратилась в скелет, покрылась коростой, мною брезговал владелец, решил, наверное, что я скоро помру. Обменял меня на несколько баранов у старика. Тот занимался починкой ружей и пистолетов. Пользовался большим уважением, и всё, что ему нужно от меня, — это уборка, стирка да всякая мелочь, всё, что ему взбредет в голову. Пищу готовила его жена — старуха не ворчливая, мне сперва показалась даже доброй. Через месяц я оправилась, и хозяин показал мне, как лить пули. С оружием я тоже научилась обращаться, уговорила, и он позволил мне несколько раз выстрелить из пистолета.

Запахло весной, ночи стали тёплыми. Я давно уже подготовила одежду, знала, где хранятся седло, уздечка, кони стояли под навесом, похожим на наш сарай. Дёрнул же чёрт меня утащить два заряженных пистолета. И совсем неудобно признаваться, но и монисту старухину прихватила из золотых монет. Спрятала под толстым ковром, на котором спала. Вот-вот хрыч старый должен был спать улечься, а всё бродит и бродит. Занесла его нелёгкая зайти ко мне. Попросил согреть воды. Я встала, а он ви-

дит, топорщится что-то под ковром, и потянулся рукой. А мне как быть? Он бы сразу догадался. Там одежда, лепёшки, кресало, мониста чёртова... Ковшом его по башке и хватать за пистолет, взвожу курок. Какую-то долю секунды помедлила с выстрелом. Успел, гадёныш, руку мою отпихнуть. Сцепились. Тут хрычовка на помощь. Били меня беспощадно, пинали, волосы чуть не выдрали. Ковшом раз десять по голове стукнули, и уже ничего не помню.

Очнулась от сильного удара в бок. Уже утро, я лежу на земле. Стоят двое мужчин: один совсем молодой, другой в годах. Стоят и посмеиваются. Я знала: мне за содеянное грозит смерть. У меня так от боли ломило тело, что умереть хотелось в ту же минуту. Пожилой сказал по-турецки, не помню дословно, но вроде такого: «Захотела к туркам сбежать, не сбежишь больше, увезем тебя далеко-далеко». Я просила убить меня, последними словами ругалась. Молодой бережно помог подняться. Там у них как цыганский табор. Отвёл меня чуть живую в кибитку, укрыл, и вскоре сборище человек в сто тронулось. Продали ли меня старик за деньги, обменял ли на три барана, просто подарил ли, не знаю.

Досталась я парню моих лет. Думаю, мне рёбра переломали, я с трудом могла дышать. Он ухаживал за мной, давал еду, питьё. Дней двадцать опять черт знает куда ползли, потом встали лагерем. Я оклемалась и стала для нового хозяина и рабыней, и наложницей. Нищий был, ещё крови не напился в разбойничьих набегах, жену не купил. Волчьи повадки ему с молоком матери привились, с колыбели. Он меня почти не бил, только пинал когда вздумается: «Ноги помой, пошла вон, овечья шкура». Он господин, я же хуже скотины. Я терпела, стиснув зубы, крепчал мой дух, и мне в борьбе за свободу уже смерть была нипочем. Всё равно сбегу.

Тот щенок успел похозяйничать надо мной месяца два. В кочевом лагере мужчины уже горланили воинственные песни, чистили оружие, готовились совершить набег. Слышала, они со всеми воевали и даже на англичан в Индию ходили. Опять, в который уже раз, продали меня. Может быть, обменял на оружие, кто знает?

Нового владельца звали Сулейман, по-нашему Соломон. Степенный такой, важный, имел трёх жён и слыл богатым. Прежние хозяйка меня не терзали и не мучили: пнут ногой,

ушипнут и не больше. А здесь все три жены на меня взъелись. Срывали на мне ненависть, я же их мужа соблазняла. Могли в еду гадость подложить, ударить очень больно, пытались за волосы оттаскать. Один раз не выдержала и сама истрепала одну сучку.

— Машенька, ты выражения выбирай! — воскликнул Алексей.

— Буду отучаться. От воров достались дурные привычки.

На меня нажаловались. Мудрый владыка Соломон позволил себе выслушать меня, рабыню. Я со слезами поведала о своих мучениях, обо всех издевательствах. Мудрец с усердием всыпал им. Так всыпал всем троим, что они сутки визжали. А я радовалась, наслаждалась, слыша вопли их. Но нельзя же так, правильно? Нельзя радоваться чужим страданиям. Видать, за то меня Господь и наказывал, не вразумился ещё. Почему-то я не жалела, что сбежала из гарема. В раю я ад нашла, а в аду зато меня часто посещали райские видения. Во сне я летала, и уж большего удовольствия нет на свете. Отвлеклась. Мечтала сбежать, только куда? До Багдада ближе, чем до России, Индия в трёх шагах.

Кочевники, как птицы, всегда ходят одним и тем же путём. К лету должны были опять податься в сторону русской границы. Оставалось терпеть и ждать. И тут новая напасть — почувствовала себя беременной. Потом холера посетила. Сулейман, мой заступник, копыта откинул. Старшему сыну досталось хозяйство. Тоже был моих лет, щенок, одним словом. Уволок в свой шатёр. У меня перевалило за третий месяц беременности, не скрыть. У Соломона довелось рабствовать чуть больше двух, это от другого щенка плод. Через два дня взял меня за руку и увёл. Продал другому сборищу и наверняка за гроши. Ещё один хозяин, ну сколько можно! Мустафа, так звали его, первым делом зверски избил меня. Беспощадно метил в живот, его острые туфли, как кинжалы, в меня втыкались. Бил, топтал, пока не лишилась чувств. Потом ещё старуха помогла, и я выкинула плод. Добился чего хотел, а я чудом выжила. Бабка предрекла, что мне не суждено больше рожать. Полумёртвую закинули в арбу, и двинулось племя на запад. Опять плелись чёрт знает сколько, тем же путём шли. Минули Персию и очутились в Турции. За месяц кочевья я исстрадалась от боли, мне ещё не было двадцати,

а уже считала себя старухой. Уверилась, что не смогу больше родить, не смогу найти любовь и счастье. Начала себя считать мученицей, праведницей. Всё делалось против моей воли. Я терпела издевательства, побои, исполняла грязную работу. К баранам своим лучше относились. Со мной могли делать всё, что вздумается. Я праведница, я обязана всех прощать, все люди — по образу Божьему. Мне за гордыню, за грешные мысли ранней юности наказание. Я искупаю грехи моих родителей и предков!

Мария разрыдалась, обильно потекли слёзы. Трогательное повествование расчувствовало и Алексея, он тоже прослезился и крепче её обнял. Невольно прижался губами к влажным щекам:

— Машенька, я верю каждому твоему слову. Успокойся и продолжай.

Мария выплакалась. Наверное, это ей было просто необходимо. Минут через пять окончательно унялась и затихла. Алексей заметил глубокий шрам на ладони, вспомнил следы под платьем и проникся к ней искренним сочувствием. Очень хотелось знать, что же случилось дальше:

— Машенька, ты считала себя невинной страдальницей, простила всех. Говори, милая, я тебя готов до утра слушать.

— Да, я помню, на чём остановилась. Меня больную везли в Турцию. Лежу, продолжаю страдать от боли. Когда вижу своего мучителя, улыбаюсь ему. Он подумал: смирил рабыню, сделал шёлковой. Всяких фруктов принесёт, укроет потеплее, сядет в мою арбу и ещё ласку проявит. Мог погладить, как ягнёнка, пощекотать. У меня внутри всё горело, боли были ужасные, и я порой переставала ощущать тело. Во мне изменилось сознание. Мне не надо дворцов в Румынии, не надо вкусной пищи, мягкой кровати, мне даже просто пищи не надо, мне спать не надо, мне ничего не надо. Вспомнила некогда прочитанные книги о великих святых и возомнила себя таковой. Да недолго была праведницей, пошла на поправку и Мустафу возненавидела. Опять могла улыбаться, но уже с лукавством. Надо быть шёлковой, нельзя быть избитой и терять время, я должна быть сильной и бежать, бежать, бежать.

Граница с Россией прямо под боком, они туда своих баранов гоняли пастись. Дней через пять я подготовилась бежать, собрала что надо: и одеж-

ду, и уздечку, и кинжал, и еды в дорогу. Пошла в ночь. Прокралась к лошадям, заметила храпящего сторожа: «Ну пусть себе спит». Вроде конь показался смиренным, взнуздала за минуту и поехала. Хочу побыстрее: и пятками в бока, по ушам бью, а он идёт себе шагом, не могу я понукать голосом, вдруг услышат? Вроде припустил. Проскакала совсем мало, и четверти версты не будет. Конь на дыбы, заржал. Может быть, змеи испугался, может быть, через колючий кустарник его направила. Скинул меня. Я только девочкой на лошадях ездила, добрые были, спокойные. Но откуда мне знать норы коней? Упала удачно на траву, не ушиблась, встаю и хочу поймать коня. Он отбежал и ржёт. Откуда взялись двое сторожей с ружьями, не знаю. Луна светит, они заметили меня, уже совсем рядом. Мне бы убежать, но возле ног вроде проползло что-то. Змея! Я завизжала. До чего же не люблю и боюсь всяких тварей, а сторожей не побоялась. Они поняли, что перед ними женщина, подошли без опаски. Я словно обезумела от отчаяния: все мечты и старания напрасно. Вижу, два старика, а мне уже всё равно. Ударила одного кинжалом, тут же второго. Не удалось убить, но первого крепко ранила, другому только рёбра ободрала. Мне бы убежать, а я опять бью и в плечо кому-то. Один навалился на меня, я упала, с тех кровь хлещет, они орут. Вдвоём не могли совладать со мной, я уже вырвалась, но тут ещё один прибегает. Скрутили, утром бросили в ноги хозяину.

Меня не били, сорвали до пояса одежду и так в шароварах Мустафы привязали к столбу. Вы знаете, как у них привязывают к столбу? Руки подняты кверху, за одни руки привязывают. Можешь извиваться, висеть на руках, расслаблять тело, а по сути это ужаснейшая пытка. Под палящим солнцем, без одежды, рой мерзких насекомых, ночью холодно, а тебе ещё водички тухлой дадут попить. Так дольше проживешь и дольше промучаешься. Это был конец июня или начало июля, откуда мне знать?

Жара стояла несусветная, через два дня тело обгорело до кровавых волдырей. Волосы спасали шею и немного плечи, грудь грызли большие жёлтые мухи. По сих пор вспоминаю, как впивались и лапками терзали, вырывали кусочки плоти. И вдруг пошел дождь. Так внезапно, будто ангел-хранитель нагнал крыльями тучи. Ещё ветер прохладный. За все двадцать семь лет

жизни не испытывала большего наслаждения. Меня райские видения посетили. Можно подумать: я тронулась умом, но это не так, я была в своём уме. Не объяснить мне словами, что происходило со мной. И вам не понять, и никому не понять. Я не могу декольте себе позволить, как всюду принято: на спине, груди и животе до самых бедёр остались шрамы — память о райском наслаждении.

Так вот, было утро, я летаю где-то в небесах под ласковыми струями, и меня спускает на землю касание металла к подбородку. Стоит Мустафа, задрал мне лицо кривым кинжалом и думает: я мучаюсь, страдаю, сейчас начну молить о пощаде. А мне хорошо, я как в тёплых волнах купаюсь. Поднимаюсь на гребне и падаю, меня возносит, и снова падаю. Хотелось умереть именно в ту минуту и унести с собой в вечность это блаженное состояние. Смотрела на него с полным безразличием и не могла ничего сказать. Кажется, начала улыбаться и взбесила его. За пять лет неволи я научилась на лицах мужчин читать все их желания. Он стиснул зубы, взмахнул кинжалом, я пересохшими губами шепчу: «Убей, убей меня». Нет, переменялся. Разжал мне рот клинком и опять пообещал вырвать язык. Тут же, зверь, рубанул по верёвкам, и я упала в грязь. Смотрите, здесь на ладони шрам и здесь, получается линия, если я так сложу руки. У них кинжалы порой стоят двух, трёх, а то и табуна лошадей. Волос пока падает, на пять кусочков порежут. Наверное, я потеряла сознание. Очнулась в подвале или яме.

У них на всё сборище одна тюрьма, зиндан называется. Мучилась ужасно, но мне кидали еду, питьё. Я горела вся, не могла ни спать, ни есть, пила одну воду. Я уже забыла, что меня обещали языка лишить. Спустился ко мне Мустафа, пнул ногой и напомнил, со злорадством звериным. Ему пришлось уплатить за двух раненых стариков, очень много заплатить. Он бы и сам с радостью отрезал мне язык, но я бы истекла кровью и умерла. Мне попадались безъязыкие, кастрированные, с подрезанными на ногах жилами, чтобы не убежали. Но эту операцию если не хирург, то знахарь должен делать. За это они деньги платят.

День или два прошли, выволокли меня за волосы на свет. Я не могу идти, меня под руки затащили в шатёр вожака стаи. У них если гости или торжество какое, то коврами застилается

помещение, сами лежат или сидят на коврах. А тут смотрю, за столом сидят, как европейцы: Мустафа, курдский атаман и ещё один такой чернявый, лет сорока, шуплый, на турка похожий. На столе бумаги, чертежи какие-то, разговаривают по-турецки. Шуплый на меня глянул и рассказывает про солдат, пушки и вдруг казаков помянул. Мне всегда было наплевать, о чём мужчины говорят. Я смотрела на него и думала — он и есть тот лекарь и вскоре мне опять мучиться. Это потом, уже в России, да и то года через два, до меня дошло, что он лазутчик и приносил сведения о расположении и численности русских гарнизонов. Я стояла, ждала своей участи.

Наступило время, и занялись мною. Мужчины шупал меня, ходил кругами, а оба курда наваливали по-турецки. Догадалась, что опять продают, но почему турку? А вдруг мне всё же язык отрежут и отвезут в какой-нибудь Самарканд? У меня впали щёки, лицо от укусов мух выглядело наверняка неприглядно. Не понравилась. Турок замахал рукой: «Вон утащите эту дохлятину!» Подошёл Мустафа, ухватил своей грязной лапой меня за щёки: «Да она красавица, персик!» У меня грудь была прикрыта рваной тряпкой, он сорвал её: «Сюда посмотри!» Турок посмотрел с отвращением на истерзанную плоть: «Она содохнет в дороге!»

Они пререкались, спорили, шуплый брать меня не хотел, говорил, что ему задолжали и вместо денег хотят всучить обглоданный кусок мяса. Подошли вдвоём и опять разглядывают. Мустафа говорил, что мне шестнадцать лет, была наказана за непослушание, раны пустяковые, заживут через неделю. Стянул с меня свои шаровары, и я голая совсем, там ни одной царапинки. Турок шупает мои ноги, бёдра, а Мустафа ему: «Ты корми её, корми. Персик только созрел». Торг состоялся. Я с трудом перебирала ногами, мне помогли добраться до телеги, уложили, притом очень заботливо, ещё укрыли чем-то. Собрали одежду, еду. Вот как в жизни бывает: думала, отрежут язык, а меня сосватали и ещё приданым обеспечили.

Очень скоро поехали. Небольшой караван образовался. Везли товары, были ещё мужчины, похоже, купцы, и проводники на конях. Куда едем, что меня ждет? Поглядываю на своего нового владельца, оцениваю: на зверя не похож, но жаден, телом слаб. На кой чёрт я ему нужна?

Я запомнила события каждого дня, настолько всё впечатляло. Раны огнем горели, он за мной ухаживал, маслом или бальзамом каким смазывал и всё цокал языком, причитал: я ему больших денег стоила, обязана подчиняться, и он меня удачно пристроит куда-то. Откормит, думаю, подлечит и продаст в ещё худшую неволю и уже не курдам, а арабам.

Вечером встали на ночлег. Все укладываются, до меня дела нет, рядом пасутся кони. Вот бы сбежать, но сил нет. Я была измождена до крайности, боли невыносимые, и оставалось только плакать от бессилия. Подходит мой бей, это по-турецки господин, предлагает вина. Сам еле на ногах стоит. Думаю, что же ты за мусульманин такой? Выпила. Попросила ещё и ещё выпила. Заснула, может быть, впервые за неделю.

Сутки или больше суток спала, не помню. Очнулась, и вроде полегчало. Как-то уже не так сильно ноет обожженная спина и грудь, вот только ладони. Мустафа рубанул по верёвке, раны глубже дюйма. Я на кровати, на чистом белье и в углу увидела иконы. Сперва подумала — видение, но нет, не видение, горит лампадка. Я кое-как встала, подошла к окну. Внизу строй солдат, расхаживают офицеры, и не турки это, не турки. Вижу укрепления, пушки, небольшую церковь, похожую на часовенку. Наверху луковица и крест православный. Россия, наконец-то! Я упала на кровать, плача от счастья. Потом пришёл врач, осмотрел мои раны и язвы, а я всё плачу и плачу. Вежливый такой, хороший, он ужасается от увиденного, а я то плачу, то смеюсь. На третий день я могла не то что ходить, могла бегать.

Моего повелителя или спасителя звали Григорий. В те дни я его считала спасителем. Запомнила имена почти всех офицеров, не забыв до конца французский, сумела им всё рассказать о своей несчастной судьбе. Мною восхищались, целовали руки, одаривали цветами. Я пила вино с офицерами и хохотала до слёз. Григорий удивлялся, что я немного говорю по-французски. Видела, недоволен, злится. Я порхаю как мотылёк и совсем забыла про нудный торг с Мустафой, когда спаситель называл меня дохлятиной и куском обглоданного мяса. Меня полюбили все и не хотели отпускать. Эх, понимала бы я что-нибудь! Потом прозрела, когда стало поздно. Могла там остаться, и жизнь сложилась бы иначе.

Гриша — грек из Одессы, под видом торговых дел промышлял шпионажем, но мне-то невдомёк. Я с трудом изъяснялась с офицерами, а этот прыщ, объедок, изо дня в день нашептывал мне: «Поедем в Одессу, станешь ты богатой и счастливой, там до твоей Румынии рукой подать». А мне-то на кой чёрт эта Румыния? Ятаганом по шее светило в Румынии. Намекал, что я ему обязана и спас он меня от лютой казни. Наверняка выставлял себя благодетелем, выкупившим из неволи несчастную христианку.

Дней через десять уехали. Провожал меня весь гарнизон. А сколько было улыбок, добрых пожеланий, цветов! Двигались с конвоем нудно и медленно. Дней пять добирались до Грузии. Помню, купалась в холодной речке, вода чистая, настоящая живая вода, как бальзам, и с тех пор мои раны перестали болеть.

Алексей вспомнил про свою службу в Закавказье, догадался, что за форт-пост приютил несчастную, вспомнил и про обязательные конвои в кишашей разбойниками местности:

— Машенька, милая, я видел твои раны. Растёгивал на тебе платье, думал, дышать легче будет. Показалось, как дробью крупной в тебя выстрелили. Я знаю эту речку, знаю, как вы ехали. Ты чистую правду говоришь. Готов до утра тебя слушать, рассказывай.

— Пока плелись до Тифлиса, я наблюдала за Гришей: видела его алчность, как торговался со всеми за каждый медяк. У меня разыгрался аппетит, бывало, попрошу лишний кусок баранины или лепёшку, он давал, но всегда с такой кислой миной, будто сироту обездоленную объедают, и при этом обязательно завздыхает, посетует, что целый рубль издержал на мясо и за лепёшки втридорога уплатил. Выл всю дорогу про неудачную торговую сделку, кто-то облапошил, не то подсунули, из-за моих ран в крепости задержался, и опять одни убытки. Мой детский восторг от вожаемой свободы начал затухать, призадумалась: «странный ты благодетель, как бы новую беду не схлопотать». Помнится, на привале Гриша тыкал в меня пальцем и что-то растолковывал казачьему есаулу из конвоя, а тот сперва благодетеля отделал нагайкой, потом на меня замахнулся. Не придавала значения, в Тифлисе сообразила, что к чему. По прибытии гнус отправил двух своих слуг и служанку с товарами в Одессу и поселился со мной в дешёвой гостинице. В этот же

день сказал, что по торговым делам уходит. Вскоре является с каким-то господином. Вздумал продать меня на одну ночь. Надеялся, что у него всё гладко пройдёт. Ни уговоры, ни угрозы, ни сила не помогли. С остервенением накинулась на них, перепало обоим. Хотела убежать, но Гриша заслонил дверь. Я заперлась в маленькой комнате. Долго он увещевал меня, грозился, говорил: я его собственность, принадлежу ему, невольница, и он прямо сейчас приведёт черкесов и продаст меня назад в Турцию. Что угодно имеет право со мной делать. Я глянула в окно, а там чуть ли не каждый третий мужчина в черкесском одеянии. До самой ночи то страшал, то богатство сулил. Охрип уже, а всё не уймется. Я ему в ответ выкладываю все, какие знала, турецкие ругательства. Утихомирился, ушёл. Я всю ночь не спала, обдумывала своё положение. Какая я всё же была глупая! Стала себя считать крепостной, раз купили меня и я нахожусь в России. Я ещё в Румынии слышала про русских крепостных, их как скот продавали, покупали, били несчастных за любую провинность.

Алексей возмутился:

— Ты превратно понимала. Крепостными могут быть только крестьяне, и они ничуть не рабов не похожи. У них прав не меньше, чем у других сословий. Продать можно имение со всей пахотной землёй и со всеми угодьями. Крестьяне земле принадлежат, но не барину. Платят оброк или подать за пользование землёй, помещик за порядком следит, наказывает, но в рамках закона. Одно дело, из-за безграмотности всякое происходит.

— В газетах ужасные случаи описывают.

— На то они и газеты. Каждая семья под опекой приходского священника. К нему обращаются с жалобами, и, если задета нравственность, он обязан сообщить архиерею. Если за бариним грешков много — отлучат от церкви. В православном государстве это означает лишение всех прав. Могут имение отобрать и до каторги довести.

— Откуда я могла знать? В мусульманских странах невольничьи рынки повсюду. Турки вечно воевали с вами и тоже поносили российские порядки. А почему у вас истязать позволено?

— Не у вас, а у нас. Ты тоже российская подданная. С давних времён так принято. Барин за

хамство, лень или пьянство может плетей выписать. В уездных училищах, в гимназиях и даже в пажеском корпусе для особо родовитых в учебных классах прутья стоят. Отвесят горяченьких княжескому отпрыску за нерадивость, и так положено. Мою супругу, урождённую баронессу, розгами хлестали почём зря. Она умеет шить, пироги печь, лопочет на трёх языках... Мы отвлеклись, ты подумала, что в России рабство?

— И так, и не совсем так. Я верила в справедливость. Не знала своих прав, но во всяком случае была уверена, что к столбу меня не привяжут, язык не отрежут. От такого, как Гриша, сбежать проще простого. Рано утром я вышла из комнаты, а он только глазом косится, слова не посмел сказать. На улице постояла, подышала, куда захочу, туда пойду. А куда? В Турции языка не лишили, зато в России без языка осталась. Два десятка русских слов выучила, и к кому обратиться за помощью? В своё время попросила защиты у французских моряков, потом у Ибрагима. И чем кончилось? Бессонная ночь, размышления окончательно меня убедили, что надеяться можно только на себя. Кто этих русских знает? Вернут Грише, раз я его собственность, или кто другой заберёт. Я стояла возле входа в гостиницу, дышала полной грудью утренней прохладой и всё не могла решиться, куда мне идти — вперёд или назад. Я попала под защиту двуглавого орла, куда стремилась так долго. Вперёд — означало забежать в любую церковь, упасть возле алтаря, и не посмели бы оттащить за ноги. Или назад — вернуться к Грише, ставшему десятым по счёту моим владельцем. Меня ещё ночью посещали мысли: стащить все его деньги. Есть во мне такая дурная черта: мстительность, и до сих пор изжить её не могу. Наслаждение получала, когда Ванда визжала, а я её дубинкой, дубинкой. Порфирия топтала, попадись Мустафа, убила бы. И вот что интересно: намерение упереть все Гришины деньги я не считала за грех, за воровство. Меня саму украли, лишили богатых родителей, лишили всего... Почему так несправедливо обошлись со мной? Почему так? Кто ему позволил владеть мною? Я не вещь, не пачка замусоленных ассигнаций, а получалось, что я вещь, и поторговаться можно, и уступить меня можно со скидкой, или набить цену, заломить... Душа моя противилась, я всех своих владельцев ненавидела. Когда готовилась сбежать от Ибрагима, а готовилась три го-

да, три года лелеяла мечту обосноваться в России с деньгами, большими деньгами. За украденную юность требовала у судьбы выкуп. С Ибрагимом не позволила судьба, так Гриша подвернулся. Я заметила, куда он свою толстую мошну прячет. Вот он, шанс, бери. Тогда, конечно, я не задумывалась, что стою перед судьбоносным выбором, определившим всю мою дальнейшую жизнь.

Внутренняя борьба закончилась маленьким послаблением в пользу страстей. Вернулась с целью выяснить его настроение: сбежать всегда успею. Гриша залебезил, побежал вина принести, еды какой-то. Припомнила я ему тогда про дохлятину и обглоданное мясо. Угрожать не стал, не оскорбился, пожалуй, наоборот, ещё пуше залебезил. Потом вдруг приосанился, заметив моё равнодушное спокойствие, решил — я смирилась, готова покориться. Начал изъясняться с чувством, самоуверенно. Он, оказывается, очень состоятельный и почитаемый купец, имеет честь и достоинство, потому считает за оскорбление мой вчерашний бунт. Дал понять, что самое главное для него не понести убыток. Вложил в меня капитал, так хоть бы своё вернуть. И ещё поглядывает на приобретённый товар, иуда, по-хозяйски. Что я сбежала от него утром, искренне жалел. Жалел, оказывается, не потерянный товар, а меня. Не зная языка, беспомощная, досталась бы на растерзание диких горцев, коих в Тифлисе кишмя кишит. Я с прежним равнодушием попиваю вино, закусываю. Гриша вовсе обнаглел, всучил мне солидную бумагу с гербом, печатями, написанную на непонятном языке. Это была купчая на законно приобретённую собственность — меня, разумеется. Замухрышка плюгавый, в чём душа держится. Лицом некрасив, нос большой, крючковатый, уши оттопырены. Да у вас есть возможность повидать его. Сейчас в Москве скобяную торговлю держит возле Никитских ворот. Григорий Козандопулос, вам подскажут.

— Этот сучий отпрыск говно жрать будет, пока не подавится! Уши отрежу, пристрелю! — оскандился Алексей.

— Нельзя так выражаться, Алексей Тимофеевич. Мы не в тюрьме, — назидательно успокоила Мария.

— Всё, остыл. При мне форт Святого Николая вырезали, в две засады ходил на курдов, и обе сорвались. Я шпиона в петлю упрячу.

— Мне его сама судьба дала. Я об Гришу пять лет спотыкалась, и он сам не рад, что со мной связался. Возвращаюсь к событиям семилетней давности. Я смотрела на его бегающие вороватые глаза, вспоминала недавние дурные предчувствия, вчерашние угрозы и что всучили меня в качестве персика. От такого прошельги бескорыстия ожидать невозможно. А что делать? Меня разморило от выпитого вина, махнула рукой и заперлась в маленькой комнате. Заснула. Когда пробудилась, незаметно выглянула: Гриша сидит, трясущимися руками пересчитывает толстенную пачку ассигнаций. «Мои деньги считает, сволочь», — подумала я и тихонько закрыла дверь.

Этим я окончательно предопределила свою судьбу. Праведница так и не бросилась искать правду, зато состоялась новая воровка и блудница.

Прибить объедка нетрудно: я бы голыми руками управилась. А дальше что? Добуду добычу, потом сама стану добычей. Уж очень место то казалось мне беспокойным. Гриша сумел нагнать страха. Горские народы промышляли продажей невольников в Турцию, крымские татары целые табуны пригоняли, а тут всё рядом. В Одессу хотелось, оттуда можно и в Новочеркасск или Киев, Москву, а почему бы и не в Петербург? Обустроиться и жить себе с деньгами припеваючи. Но как вырваться, пусть даже богатой, без знания языка? Оставалось одно — смириться, ожидая удобного случая. Если с настойчивостью, с которой всегда стремилась обрести свободу, начну изучать русский, то через месяц мало-мальски начну изъясняться. Гриша собирался две недельки побыть в Тифлисе, вот и получается, что целый месяц пройдёт, и где-нибудь возле Одессы заберу тайком добычу, и пусть радуется недоделок, что кухонным ножом не прирезала или башку ухватом не расколола, — я от воинственных курдов переняла разбойничьи повадки.

Учила язык изо дня в день, Гриша ещё добыл книгу для турок, изучающих русский. Я в его отсутствие заглядываю в мошну, а она только пухнет изо дня в день. Лишь бы, сучонок, товар какой не прикупил. Мне-то на кой чёрт убытки. Намекал, что скоро поедем в Одессу. И на самом деле не обманул, поехали.

Дней через пять остановились в Новороссийске на денёк. Жадность пошла Грише не

впрок, боком ему это вылезло. Привёл откуда-то офицера: очень красивый, с мужественным лицом молодой человек. Оставил нас одних и засел в соседней комнате, ладошки потирает, думает, всё у него получится, перепадёт денежка. Перепало, ещё как перепало. Офицер мнётся, отводит глаза, да и мне самой стыдно. Я, плохо зная русский, вернее, почти не зная, исхитрилась ему объяснить: «Я крепостная, рабыня, Григорий купил меня у курдов, где мне было очень плохо, сейчас принадлежу ему». Вставляла французские слова, когда русских не хватало, и получилось весьма складно. Андрей, так звали офицера, пошёл колотить Гришу. Как он его бил! С каким остервенением, я думала, убьёт. С наслаждением наблюдала картину.

Андрей разъяснил все мои права, что Гриша врал всё, поганец, пользовался моей безграмотностью. Пошёл за полицией, а я принялась приводить Григория в чувство. Синий весь, три зуба выбито, глаза заплыли, потроха отбиты, что дышать едва мог. Мне почище доставалось, только по лицу не били. У него лицо — кровавое месиво, думала, помрёт. Я его доволокла до кровати, благо весит, как баран, на три пуда не потянет. Уложила, и тут дошло до меня, что пора. Пора, пока нет никого, котулёк Гришин прихватить. Он лежит трупом, полглаза закатил, другой кровью затёк. Я под матрасом шарю, нащупала пачки ассигнаций, потом толстый кошель, и вдруг Андрей возвращается. Смотрю на него и не знаю, что делать. Решилась. Шмяк Гришу об пол, матрас выворачиваю и знаками показываю — возьмём, возьмём всё. Это наши деньги. Он схватил меня за руку, лицо серьёзным стало, привлёк к себе и начал ругать. Я не понимаю ничего, понимаю по интонации — ругает. Потом появился полицейский пристав, народ навалил, кто-то за доктором побежал, а я чувствую, Гриша помрёт, если уже не помер. Пропали мои сокровища. Пропали, ну и ладно, я же не пропала. А что делать? Жмусь к Андрею, пусть он будет мой повелитель, я согласна, я хочу так. Так и случилось. Увёл меня к себе, но как в русской сказке: жить-поживать и добра наживать, не получилось. Я была готова ноги ему мыть, убирать, стирать, всё что угодно делать. Лелеяла надежду стать женой, влюбилась. Впервые осознала это чувство. У него денщик, пожилая служанка, и мне не позволялось работать.

Андрей купил мне модное платье, шляпку. Сбывались мои мечты, мне казалось, я выстрадала своё счастье и ещё чуть-чуть и я барыня, госпожа, любимая жена любимого человека. Андрей знал про все мои злключения, сострадал, со слезами целовал мои шрамы. Мною он восхищался: я смелая, я самая красивая на свете и за всю свою жизнь не видел никого достойней меня. Про себя не любил рассказывать, если я выпытывала, то говорил с неохотой. Как будто что-то замалчивал. Знала, что ему двадцать девять лет, под Тулой есть небольшое имение, не беден и не богат. Переживал из-за болезни отца и постоянно получал неутешительные письма. Меня тяготили свои тревоги: не смогу ему родить, начинаю об этом вспоминать, и счастья как не бывало. Как мне быть женой? Как? Без детей нельзя помыслить о счастливом супружестве.

Прожила я с Андреем неполный месяц. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я хочу превознести себя и чем-то горжусь. Но есть во мне притягательная сила, назовите это чарами или как хотите. Сама обезумела от первого чувства и заразила Андрея. Он человек сильный, но не нашёл больше сил скрывать. Упал передо мной на колени и признался. Есть у него дочь пяти лет, жена на сносях и вот-вот второго произведет. Поклялся в искренней любви и сказал, что ради меня готов на всё: «Возьму отставку, отдам состояние супруге и устроюсь управляющим в богатое имение». У него был давнишний приятель в Тульской губернии, и без моего согласия ему отписал, решив, как поступить. А мне чем похвастать? «Я несчастная уродка, я не могу иметь детей, твоя жена ещё пятерых родит, нужна я тебе такая?» — высказалась, нельзя такое скрывать. Я поплакала, и он не сдержался. Мне стало жаль его несчастную жену. Получалось, я ворую чужое счастье. Обворовала Ибрагима, Гришу не жалко, потом сколько обворовывала и правду скажу, не жалко. Если я полюбила, я должна быть преданной. Предаю саму себя, приношу себя в жертву. Во мне нет корысти, потому что и меня нет, я перешла в другого человека и хочу ему счастья.

Мария разрыдалась.

Глава 28

— Прошло чуть больше недели, Андрей получает письмо, где сообщалось, что отцу совсем плохо, он почти при смерти, жена скучает по нему, льёт слёзы. Уговаривал меня с ним поехать и притом твёрдо так, с напором. Я изо дня в день готовила его, по-всякому убеждая: «Нам нельзя вместе, возвращайся к своей Татьяне, я уж как-нибудь устрою себя». Ему тяжело, и мне тяжело. Жертва — это когда добровольно расстаёшься с самым дорогим. Но не мой Андрей, не мой.

Покидая Новороссийск, просил ждать его. Оставил мне пятьсот рублей и обещал месяца через три-четыре вернуться. Уехал, и мне даже легче стало, хоть не вижу его переживаний. Общаюсь с хозяйкой, милой женщиной, и прошу только по-русски разговаривать. На душе всё равно лежал камень. Мне двадцать лет, впереди, казалось, вечность, а я уже как старуха. Родила сына и бросила, прошла через столько испытаний, и у меня не только на теле шрамы, внутри куда хуже. Говорят, после сорока пяти женщина не может родить, а мне сколько? На родине мне бы подыскали вдовца лет пятидесяти, а больше я никому не нужна. Ибрагим знал, откуда я родом, подчистила его так, что, думаю, разорила. Не дай Бог меня засада там ждёт.

Осень наступила, а я всё не решаюсь, выжидаю чего-то. Трачу деньги и знаю — фунт хлеба стоит копейку, четверть посредственного вина — двадцать копеек, за рубль можно купить целого осетра, за пятнадцать — простенькое платье, зато за сорок пять — из самой Франции. Приплыла большая эскадра кораблей, на пирсе играл духовой оркестр, гуляли нарядные женщины, и я из всех выделялась. На меня заглядывались, а кто посмелей, задавали вопросы. Первый вопрос у всех один и тот же: «Вы не замужем?» — «Нет». Творилось что-то невероятное, бывало, сразу трое бежали за цветами. Приглашения на банкеты, приглашения просто составить компанию и погулять или хоть пару минут поговорить со мной. Все девицы Новороссийска не стоили одной моей улыбки.

Гуляла как-то с двумя кавалерами вдоль пирса. Вот чудеса: Гриша с костылём, живёхонек. Я уже забыла про него. Покосился подбитым глазом,

прошамкал беззубым ртом приветствие и поко-
вылял своей дорогой.

— Ха-ха-ха. Ты рассказчик, слушаешься, —
выразил своё восхищение Алексей. — Перепи-
сывай на лету и прямо в набор. Роман. Всех мод-
ных сочинителей затмишь. Продолжай дальше.

— Я от сочинителей отличаюсь тем, что не со-
чиняю, говорю правду.

Как бы случайно на другой день узнаю через
знакомого врача из морского лазарета: Гришу
выхаживали у них, он чудом выжил, у него и
рёбра переломаны, и нога, и чёрт знает что от-
бито. Вздумала навестить. По большому счёту,
он меня спас. Обманул, получил сполна и да-
же сверх того. Я на него злобу не держала.
Присела возле его койки, разговариваем о
пустяках. Гриша не вспоминает о былом, я тем
более. Он предложил уехать с ним в Одессу,
здоровьем всей своей родни клялся, божился,
обещал очень выгодно устроить в богатую ев-
рейскую семью прислугой. Я его совершенно
не боялась, знала свои права и кое-как могла
изъясняться по-русски. Я сразу не согласи-
лась, обещала подумать.

Но вскоре уехали. Добрались до Херсона.
Там из жителей каждый второй грек и все зна-
ют Гришу. Остановились на ночлег в малень-
кой жалкой комнатёнке, а что вдвоём, меня
вовсе не пугало. Знал, негодяй, про мои день-
ги. Я имела такую глупость показать их, когда
в дороге расплачивалась за какую-то мелочь.
На первом этаже находился трактир, туда он
пошёл с земляками пить вино. И вдруг завали-
ваются втроем в изрядном подпитии. Первым
делом отобрали все мои деньги. Мне же их
Андрей дал, я плакала, сопротивлялась...
Угостили тумачами, не без этого.

Греки ушли, Гриша на боковую. Захрапел.
Сперва хотела треснуть чем-нибудь увесистым,
но не смогла. Лежу, слушаю храп, во мне всё
клокочет от ненависти. Горю желанием рассчи-
таться за грабёж и за побои. Видит Бог, не хоте-
ла обчистить сквалыгу, он сам меня толкал, вы-
нудил... Собралась было слегка подвинуть его и
под матрасом пошарить. И вдруг он сам прос-
нулся и поплёлся в отхожее место. Прибрала всё,
что он имел, гроша не оставила. Притворилась
спящей. Гриша вернулся, полез под матрас. Нет
денег. Глянул злобно на меня, я вскочила и, не
дав ему опомниться, ринулась на него. Гриша

слабенький, тщедушный, а в ярости, как волк.
Глазищи огнём горят, а во мне злобы не меньше.
Он в горло мне вцепился, я ему. Опрокинулись
на пол, катаемся, своротили стол и вдребезги.
Нашупала рукой его же башмак с деревянным
каблуком и колошмачу по башке куда ни попа-
дя. Он воет, голосит, я опять и опять, бью и бью.
Попала по глазу, он обеими ручонками схватил-
ся за него и уже не воет, уже скулит как собака
побитая. Я вскочила и споткнулась об обломки
стола, хватя за ножку и на тебе, на! Била до изне-
можения, пока не затих.

В комнатёнке полутьма, всего две лампадки
светили. Я склонилась над Гришей, ужаснулась.
Голова вся в крови, руками продолжает дер-
жаться за глаз, и глаз в крови, и ручонки в крови.
Вроде не дышит.

Не хотела, не хотела я воровать, не хотела
убивать Гришу... Я в страшной панике, что так
получилось сгоряча. Несколько минут прихо-
дила в себя, а деваться-то некуда, надо бежать
поскорее. Я обросла вещами, так пришлось всё
бросить. Пачки ассигнаций и толстый кошель
уложила в коробку из-под платья и належке
выскочила с постоялого двора. Вижу запря-
женную телегу, рядом никого. В трактире ещё
не угомонились, голосят пьяные. Спрашивать,
чья телега, не стала, отвязала и погоняю. Те-
мень страшная, куда еду, не знаю, лишь бы по-
быстрее скрыться. Лошадь чует дорогу и сама
вывела на тракт. Нахлёстываю.

Светать начало, лошадь вот-вот повалится, так
загнала её. Слева одно село или деревня, ма-
ленький перелесок, следом уже другое село. На-
до же что-то делать! Меня хочет обогнать шара-
бан, я загораживала дорогу. И вдруг слышу, об-
ругали меня по-румынски. Но я-то как обрадо-
валась! На мне модное платье, правда, в драке с
Гришей слегка пострадавшее. Я мгновенно при-
думала, что сказать: «Господин, спасите меня!
Меня украли и хотели насильно замуж выдать.
Греки украли, я домой в Одессу к маме и папе
хочу!» Он зенки вылупил, удивился, что я по-ру-
мынски разговариваю: «Откуда у тебя телега?» —
«Я не знаю, чья телега! Сбежала я, сбежала!»

Остановились. Молдаванин, раз ничья теле-
га, посмотрел у коня зубы и давай распрягать.
Хозяйственный, не дал добру пропадать. Пое-
хала с ним в шарабане, краденый конь бежал
следом. Болтали без умолку до самого Никола-

ева, дальше ему не надо было. Молодец, помог мне найти мужика, и тот за два рубля согласился довезти до Одессы. Я спала почти всю дорогу, но ехали резво и к вечеру добрались. Выручило, что хоть как-то могла изъясняться порусски, попросила, и он подвёз до гостиницы. Оказались очень дорогие, даже шикарные номера. Гришиных денег не жалко, самого Гришу жалко. Молила Бога, чтобы в живых остался. Посчитала наличность, а там без малого семь тысяч, целое состояние. У меня вроде есть деньги и полная свобода, ну, а дальше что? Я не готова была к самостоятельной жизни. Два дня бродила по Одессе как неприкаянная, пока не осознала полную беспомощность и одиночество. Распорядилась мною сама судьба, пока я размышляла в полной бездеятельности.

Где-то дней через десять после херсонских событий раздался стук в дверь. Я открываю, вижу двух полицейских, хозяина номеров, дворника и Гришу. У того вся голова, глаз и нос замотаны бинтами. Заверещал, паскудник, благим матом: «Это она, воровка, злодейка, проститутка! Вяжите её! — Обе ручонки в гипсе, прихрамывает, и откуда столько живучести? — Деньги, деньги мои своровала! По миру пустила честного труженика!»

А потом нашлись деньги, и меня препроводили в тюрьму.

Две недели тянулись нудные допросы. Я рассказала со всеми печальными подробностями свою историю, вот только не помню название той крепости, куда меня полумёртвую доставил Гриша. В его же показаниях — я шлюха тифлисская, и есть два десятка свидетелей, готовых подтвердить это. Меня обвинили в грабеже и покушении на убийство, верить мне не хотели, это только я по наивности сама верила в справедливость. Занимавшемуся мной чиновнику прямо в лицо говорила: «Я ни в чём не виновата, Гриша ограбил меня и поколотил, ответила ему тем же. Он не понёс наказание, так в чём я виновата? Деньги — моя добыча, добыла я их в драке». Чиновник долдонит своё: «Пиши покаянную, иначе десять лет каторги обеспечено, а слёзно покаешься, суд учтёт твою молодость и меньше пяти дадут».

Я почти месяц отсидела и скажу, условия были вполне терпимые. Городская казна и градоначальник заботливо относились к провинившим-

ся женщинам. Каждый день можно мыться, стирать, гладить свои вещи, и кормили отменно. Выпустили меня. Конец ноября, я в лёгком платье и тонюсенькой накидке, за душой ни гроша. Меня поджидает коляска и Гриша собственной персоной. Поклонился, снял картуз. Прилизал пятерней остатки волос на исполосованной башке и принялся убеждать, какой он хороший. Заступался за меня, поручительствовал, хлопотал по высоким инстанциям, отказавшись от всех притязаний. Так я ему и поверила! Ожидала любой подлости, но всё же согласилась сесть в экипаж. Опять мне деваться некуда, не мёрзнуть же брошенной на дороге?

Подъехали мы к богатому особняку, дверцы кареты отворил лакей и с такой учтивостью обращался со мной, словно я коронованная принцесса. Мне ещё не доводилось видеть подобного блеска: мебель из красного дерева, картины, зеркала, через каждые три шага бронзовые часы. Куда я попала? Выходит дама, и лакей вытягивается в струнку, как солдат перед генералом. Я сделала реверанс и попыталась оценить хозяйку дворца. По-другому себе не представляла светских дам. На вид лет пятидесяти, в строгом домашнем платье, на руках сверкают перстни, и осанка такая гордая, величавая. Гриша сник в холопском поклоне, что-то замямлил беззубым ртом. Я ещё плохо знала русский, не поняла. Госпожа цыкнула на него, и лакей чуть ли не зашиворот вытолкнул его вон. А ко мне: «Милочка, крошечка, да ты такая хорошенькая, огрела подлеца колом, а убила бы, не жалко».

Мне саму себя стало жалко, я и расплакалась. Дама утёрла мне лицо, представилась Мариной Иосифовной и провела в свой кабинет. Поднесли прекрасное вино, закусок. Я, коверкая русские слова вперемежку с французскими, рассказала о себе. Ввергла строгую госпожу в слёзы. Она унялась, сама разговорила и поведала, что попечительствует над всеми сиротскими приютами, есть избранные воспитанницы и над ними особая опека. С большим восхищением говорила про Одессу. Город расцветал и через пару лет должен был стать главным портом империи. Европа и Азия смыкались на Одессе, товары со всего мира, колониальная контрабанда, богатейших людей прорва. Евреи спешно покидают Польшу и уже не в Америку, сюда съезжаются пок-

лоняться золотому тельцу. Затем призрачно намекнула, что для её смысленных воспитанниц богатеишие мужья города не скупятся на пожертвования. Главное, слушаться её во всём, и, глядишь, годика через три вполне можно обеспечить себя приданым: «Тысяч пятнадцать устроит тебя, милочка? Это не те гроши, что тебе любовник всучил, и ты из-за них Григория чуть на тот свет не отправила».

Я пью вино, закусываю, показывая прекрасные манеры. Мне её смутные намёки очень понятны. Понятно ещё, что Гриша и тут отличился, опять меня с выгодой для себя продал. Видно, и уговаривал покинуть Новороссийск ради моего устройства обездоленной сиротой. Я главной благотворительнице Одессы заявила напрямую: «Вы меня хотите сделать проституткой?» Она вспыхнула, даже оскорбилась за такое сравнение. Замахала руками и принялась разяснять обязанности воспитанной сироты.

Мне надлежало помолодеть года на три, слегка подучиться манерам, танцам и простейшему рукоделию. Это все внешние качества юной сиротки, есть ещё внутренние: умение стыдливо опускать глаза, жеманиться, осадить, если надо, настырного кавалера и много всего прочего. Мадам посулила мне настоящий рай с посещением театров, благотворительных балов, чуть распогодится, можно позволить себе прогулки на яхтах. Вспомнила былых воспитанниц, и все до единой прекрасно устроены. Первое время мне с другими девушками нужно было заниматься вышивкой в мастерской. Всего три часа в день и не обязательно вообще вышивать, там уже давно всё вышито. Придут благотворители посмотреть на скромных трудолюбивых сироток, и вот вам в подарок моё рукоделие. Я поняла, что где-то она закупает готовые изделия, с нас же спрос невелик. Были ещё намёки, похожие на угрозы, на особое покровительство богоугодного заведения самим полицмейстером Одессы, градоначальником и рядом знатнейших людей. В придачу добавила про заправил контрабандистов и вожаков шаек грабителей, готовых с большой охотой вносить пожертвования. От меня требовалось только соблюдать целомудрие, обучаться и чего-то ждать. На протяжении всей беседы мадам Марина пристально меня разглядывала и под конец велела

походить по комнате. Сделала замечание, что походку надо поправлять: «Богиню видно по походке. Учись, милая, учись».

Так я стала воспитанницей, и на другой день мне уже разяснили в мастерской, о чём недоговаривала госпожа Марина. Всё её опекунство по сути изошрённое сводничество, но для новеньких требовалось обретение навыков. Она знала всех состоятельных людей, и её знали и навещали, но бывали приезжие, бывало всякое. За сиротками позволялось ухаживать, водить в театр или катать на тройке. У мадам всё было пристойно, мы считались свободными, но из-за дурного воспитания в детстве могли быть ветреными. И не всё так просто, нас ещё надо заслужить. Разыгрывай спектакли, фыркай, капризничай, делай всё, как велит Марина. Она держала воспитанниц в узде, и ухажёров всегда могла приструнить за наглость и грубость.

Мне мадам Марина справила паспорт. Я Эльвира Львовна Кантор, иудейского вероисповедания, девица семнадцати лет. Возраст и имя не я придумала, это плод фантазии добродетельной опекуни.

Мой ужасный русский вызывал в ухажёрах буйный восторг. Дошло до мадам, и я получила строгий приказ не менять произношения и всегда общаться на прежнем уровне. Для неё я старалась, но для себя быстро выучила алфавит и очень скоро с лёгкостью научилась читать книги. Румыния от слова Рим. Наш язык ближе, чем итальянский или испанский, к латыни. В русском полно латинских слов, немало и тюркских. Через год я говорила совершенно свободно, удалось скопить около шести тысяч, сменив всего семь кавалеров. Поэтому сиротский приют Марины борделем не назовёшь, да и мы вовсе не считали себя проститутками. Не думай, я не ропщу на судьбу, и тем более мне нечем похвалиться.

С Мариной я нашла общий язык, сумев заслужить её доверие. Порой она позволяла себе поткровенничать. Однажды мне сказала: «Эльвира, ещё годика полтора, ну два от силы продержу тебя, а там как хочешь. Ты умненькая, любишь порядок, экономишь, не тратишь попусту. Могу тебя к делу приобщить, станешь потом моей помощницей». Я согласилась.

Прошла пара недель, как сейчас помню, это в январе случилось. Пригласили меня на бене-

фис, потом вечеринка и немного потанцевали. У подвыпившего антрепренера пропали все деньги, около двух тысяч. Он всё лез ко мне руки целовать, да и сидели мы рядом. Окончание вечера испортилось из-за этого. На другой день Марина припомнила обворованного Гришу и со злобой залепила мне две оплеухи. Больше года прошло, и впервые меня ударила. Я невольно дала ей сдачи, ещё бы добавила, но лакей за руку ухватил. Понесла на меня: «Убирайся вон, воровка! Сегодня чтоб тебя в Одессе не было».

Я, оскорблённая, пошла готовить свой скарб. Через час собралась и потребовала паспорт. Сидит, насупившись, кинула мне паспорт в ноги: «Оставайся. Мне доложили только что: деньги нашлись. В шляпу, болван, спрятал, боялся потерять. Ты не имеешь права на меня руку поднимать, я имею». Хоть бы извинилась, я бы смогла простить. Как я её возненавидела! Отомстить хотелось непременно. Долго стояла в нерешительности, потом заставила себя с поклоном извиниться. Сразу подумала: «Раз назвала меня воровкой, тогда и тебя ждёт участь Ибрагима». Меня научила жизнь быть шёлковой и терпеть. Я знала, дождусь своего часа.

Зиму и весну снимала апартаменты, но ради задуманного очень хотелось вернуться в её дворец. Я уже давно заметила, где находится её дежурный ящик.

И вот где-то в конце августа случилось мне сидеть в любимой ресторации «Королевский фрегат». Столики под открытым небом возле моря, плещется прибой, я пью сельтерскую с лёгкой закуской и о чём-то мечтаю. Подсел ко мне вполне приличный господин. Глянула на него мельком — лет тридцати пяти, приятный и вроде пока помалкивает, но это пока, а потом начнутся привычные расспросы. Мне надоело слушать одно и то же от незнакомых мужчин. Я хотела спокойствия и одиночества. Махнула рукой половому, велев мне приготовить другой столик. Господин понял, что не уместен в моём обществе, и с извинениями пересел сам. Глазеет на меня. На меня всегда глазеют, так что, паранджу надевать? Он глазеет, я мечтаю. Пришло время, покидаю заведение. Поковылял за мной. Опять привычно, не он один таков. Обнаглед, мне показалось, шёл за спиной две версты и дышал в затылок. Я гуляла, шла не спеша, а тут бесцеремонное

преследование! Остановилась: «Идите своей дорогой, я обращаюсь к городскому, и у вас будут неприятности». С извинениями ушёл.

Дня через два я снова в «Королевском фрегате», и снова он. Корзина роз у моих ног, но мне то они зачем? На Привозе торговать? Я ему кокетливо улыбнулась и решила объясниться, дать понять, что незачем тратиться, что бесполезны его ухаживания. Вижу, он не еврей, те более сообразительны. Предложила сама угостить его, велела принести коньяк и чего там ещё, не помню. Он покраснел как алый мак. Мне уже захотелось поболтать и, конечно же, отвратить от дальнейшей назойливости. Ему тридцать четыре года, звать Ипполит, дворянин, полтавский помещик, холост. Похвастал, что окончил курс Киевского университета и пробует себя в сочинительстве. Что-то там написал, только пока не печатают. Болтал о весёленьком и крепко подсел на коньяк. Мне бы ещё тогда обратить на это внимание, а я, глупая, подумала из-за застенчивости, смелее хочет быть. Целый штоф уплёл.

Ты догадываешься, я неспроста говорю о нём. Вот было удивление, когда увидела Ипполита, беседующего с Мариной. По сих пор не знаю, как ему удалось разыскать мою обитель. Мог выследить, могли по «Фрегату» слушки ходить. Марина выставила его вон и мне задала лёгкую взбучку, напомнив о многих моих обязательствах. Раз переговоры не удались, Ипполит подкараулил меня возле дома и попытался всучить девятьсот пятьдесят рублей. Просто так решил одарить безвозмездно деньгами. Возник резонный вопрос: «А почему не тысяча?» Ответил, стыдливо опустив глаза: «Больше нет с собой. Я же не знал, что встречу вас. До моей Полтавины пятьсот вёрст». Я не могла оставить без внимания искреннее пожертвование. Деньги не взяла, а на скромного помещика стала смотреть уже совсем другими глазами. Изменила Марине, вопреки её строгим приказам весь день провела с Ипполитом. Гуляли, болтали, дважды посетили «Фрегат» и, чтобы оправдаться перед столь милым человеком, поведала всю правду о своей судьбе. Помимо восхищений, последовало признание в любви. Я не встречала ещё таких людей и согласилась тайком видеться. У меня к тому времени скопилось собственное приданое в неполных восемь тысяч рублей. Пожертвовала тем, что не обокрала Марину.

Сбежали по-тихому, оставив ей краткую записку. Естественно, я не указала ей, куда и с кем сбежала. Так я стала пани Мария Величко. Перед венчанием исповедовалась впервые за семь лет. Мне не простилося, что в курдской неволе я представлялась мусульманкой, потом иудейкой. Понесла строгую епитимию, как-то пыталась бороться со своими немощами, постилась, молилась, думала, всё уже, больше испытаний меня не ждёт.

Ипполит был далеко не богат. Таких называют помещик-однодворец. Правильней сказать, владелец семнадцати душ крепостных. Доход мизерный, но зато земли много, кусок чахлого леса, два озера, уголья под пахоту и выгон скота. Всё в полнейшем запустении, лес под залогом, по податям задолженность в три тыщи, усадьба на два аршина в землю провалилась, вокруг бурьян и чертополох. Мне как раз этого не хватало. Я не шучу, мне этого не хватало. За два дня своими руками выполола весь сорняк вокруг усадьбы, объездила на развалюшном тарантасе всю мою жалкую вотчину, мне в радость было потрудиться.

Вложила приданое до последней копейки, рассчиталась с долгами, наняла артель плотников и привела в порядок дом, разобралась с арендаторами, сдала часть угодьев под пасеки, повоевала с холопами. До чего же наглый народ! Один имел пять лошадей, пахотных волов, скотины полный двор и ещё двух сыновей держал в Полтаве на собственной торговле. Задолжал по оброку около двух тысяч, так думал, раз хозяин дурак, сойдёт ему с рук. А тут хозяйка объявилась, пани Мария. Тоже надеялся во мне дурочку городскую увидеть. Я через месяц вникла во все дела и сперва к нему с миром. Не получилось, взялась за кнут. Только тогда получилось. Я не истязала никого, ко всем с пониманием, но нельзя по-другому, нельзя. Отписала в Валахию письмо, потом ещё писала и ещё. Через два месяца стали приходить ответы.

В хозяйстве своём копошилась с утра до ночи и просчитала, что в год можно получать до пяти тысяч чистого дохода, если бы ещё мельницу построить. У Марины, находясь в полной праздности, я куда больше могла иметь, но об этом тогда не думала.

Подошел черёд рассказать о супруге. Сперва о хорошем. Любил меня, человеком был крат-

кого нрава, подчинялся мне не раздумывая. А что в этом хорошего? Одни слабости, все силы израсходовал, чтобы увлечь меня на время. Вырвал из Одессы и выдохся. И ещё об одном пристрастии. На первых порах дотошно убеждал меня, что это древняя традиция выпивать за обедом пару чарок горилки. Стоило отлучиться куда по делу, он и к ночи, находясь без присмотра, раздобудет сивухи и смотрит на меня бараньим взглядом. И так каждый день. Ну что это за мужчина? Размазня! А я мечтала, что Господь не оставил меня, смогу родить. Брала его с собой и, как выдавалось свободное время, ездила по монастырям, обращалась к старцам и старицам. Обещали молиться за меня: «Что человеку невозможно, Богу всё возможно». И к докторам обращалась, и к бабкам, и к знахарям. Пила зелье всякое, слушала утешения. Я по сих пор ещё не утратила надежду. Одна известная затворница смотрела сквозь меня, и было у неё видение, но об этом тебе не важно знать, хочу быть краткой, но не получается. Да уже второй час ночи, тебе не надоело слушать?

— А как можно понять человека, не дав ему высказаться? Ты высказывайся, до утра ещё далеко.

Глава 29

— Прошёл год, и я пресытилась супружеством. Однообразие полнейшее. То же самое я испытывала в гареме у Ибрагима. Я привыкла бороться и мечтать. Борюсь с пьянством Ипполита, а мечтать не о чем. Надумала завести любовника, так нет никого. Из соседей одни скупердяи и старики. Рядом уездный городишка, мне часто там приходилось по делам бывать. Сделаю всё, что надо, и некуда глаз положить. В Одессе мужчины шляпы передо мной снимали, женщины завидовали, там же свиньи в лужах бултыхаются, гуси изгадят всю улицу, идешь и под ноги смотришь, как бы не наступить. Места захоластные, и мужчины захоластные: серые какие-то, и внешности никакой, и в общении пустые. Одним схожи — у каждого брюхо навыва-те, ещё сожрёт сала ломоть и точно лопнет.

Как-то бездумно поступила, подвернулся случай, совратила юного студентика, моложе меня

на четыре года. Мальчишке двадцати не было. Не ради страсти, ради игры, от скуки, от гнетущей безысходности. Поиграла, вознеся свою гордыню... Он влюбился в меня до безумия, считал умнейшей, самой красивейшей, богиней. Лил слёзы возле моих ног, взял сдуру и отцу с матерью признался, что хочет на мне жениться. Я не давала согласия, и у меня был супруг, а он, по наивности, воспринял мою благосклонность за взаимную любовь. Его отец побеседовал со мной и предложил пять тысяч, лишь бы я отдала сыночка. Вижу по глазам, даст десять, если я и с ним игру затею. Богатая была семейка, может быть, зря не взяла деньги.

Объявился ещё один ухажёр — лет тридцати отставной кавалерийский поручик. Не приглянулся особо, хотя с большим рвением пытался увести от Ипполита. Влюбила в себя и держала на расстоянии, не позволяла ему вольностей. Можно было жить и разгонять скуку, копить деньги, приобретать что-то, продавать... Могла сменить Ипполита на такого же однодворца-поручика, можно было ожидать от жизни каких-то перемен, то есть быть как все, — как все обыватели захолустного уезда.

Если бы родила ребёнка, то осталась бы там навсегда. Я не готовилась к побегу, всё случилось внезапно. Увидела Ипполита пьяным: спал прямо на крыльце возле собачьей будки. Плюнула в него и собралась минут за десять. В доме находилось рублей четырёхста, остальные все вложены были в дело. Взяла двадцать семь, подумала, мне вполне хватит. На другой день к вечеру была уже в Полтаве, за три дня добралась до Одессы и с поклоном к Марине.

— Ты же покаялась! Как ты на такое решилась? — возмутился Алексей. — Ты сильная и вдруг проявила слабость!

— А ты думаешь, бросить видимое благополучие может слабый? — возразила Мария, пытаясь высвободиться из цепких объятий слушателя.

— Тогда что за чёртова сила тебя влекла?

— Сундучок Маринин. Маленький такой, весь обитый железом, пудов на двадцать. Могла промахнуться, и Марина указала бы мне на дверь, тогда нашла бы любовника из бывших, могла назад вернуться. Я вздумала у судьбы потребовать новый шанс, сменив захолустье на Вавилон. Если я тебе противна, хватит ко мне прижиматься!

— Расскажи мне, блудница вавилонская, мучила ли тебя совесть, что поручика и студента лишила спокойствия?

— Тут же забыла про них. Я замужняя женщина, и нечего быть падким до чужого. На чужой каравай рот не разевай.

Марина встретила меня с распростертыми объятиями. По мне скучал весь одесский бо-монд. Стала мне даже больше доверять, спрашивала советы, но и властность свою не забывала показывать.

Я просчитала все её возможные доходы, затраты на приобретения, уверившись, что в денежном ящике лежит не меньше, чем полмиллиона. Я знала, где он находится. Представь себе просторный кабинет и дверь, потом два шага и ещё дверь в спальню. Так вот, в этом маленьком коридорчике и находился ящик. Я больше ста разных ключей купила и подобрала к двери в кабинет. Дверь в закуток не запиралась, и ящик можно целовать, можно на него плевать, а вот открыть никак. Чего только я ни придумывала, какие ключи ни подбирала, всё бесполезно, ящик словно заколдованный. Марина часто отлучалась, и я по три, по четыре часа в день обшаривала аккуратно кабинет и спальню, ища чёртов ключ. Безрезультатно, богатство точно заколдовано.

У меня появился поклонник, король всех контрабандистов Одессы, Изя Блюм. Его ворьё побаивалось, со всей полицией на короткой ноге. Исключительно вежливый и обходительный человек. Называл меня Эллочкой: «Эллочка, я для вас велю достать небо и сотку из него такое платье, которого нет во всей Одессе. Всё, шо пожелаете, будет у ваших ног». Гришина выходка в Херсоне не давала мне покоя, давно хотелось отомстить: «Мне один человек многим навредил. Он посмел избить меня, устроив неприятности с полицией». Изя вспыхнул негодованием. Я попросила ограбить Гришу с обязательным условием: намять ему бока. Не до смерти, конечно, для вразумления. Нанятые Изей налётчики обчистили его до исподнего, погромили лавку и поколотили от души. И ты думаешь — это ему на пользу?

Недолго мною увлекался король контрабандистов. Как из-под земли появился красавец Иван. Я сказала «как из-под земли», не совсем правильно выразилась. Там преисподняя находится, пусть лучше с небес свалился. Деньги

проматывал, будто это листья с деревьев, для меня заказал фейерверк, цыгане с бубнами и гитарами сутками за ним ходили. Так не кутили ещё со дня основания Одессы. Изя напоследок успел нашептать: «Ваня из залётных, где-то надломил денежный ящик и гуляет. Вы, Элочка, пользуйтесь моментом, пусть потратится, и, я думаю, он скоро понесёт закладывать штаны».

Как в воду глядел. Вани хватило на три недели, но, на удивление, оставшись с жалкими грошами, не унывал. Явился прощаться со мной, галантно поклонился, постучал себя по карманам: «Двадцать рублей осталось и надежда на фарт. Это тебе, Лялочка». И всучил мне колечко с приличным изумрудом. Рублей на пятьсот потянет. Он внешне походил на настоящего рыцаря. Взгляд такой проникновенный, гордая осанка... Поцеловал мне руку, развернулся и пошёл. Я не удержалась, догнала его. Предложила деньги. Отказался. Я предложила хотя бы перекусить со мной. «Не могу, Лялочка, моих грошей не хватит, а за счёт дамы — я не так воспитан». Видно, человек честный, аристократ, гусар.

Уговорила в моих покоях перекусить, где ему поведала о баснословном богатстве мадам Марины. Ваня заинтересовался. Я хотела, чтобы он сработал один: вскрыл чёртов ящик и где-нибудь мы с ним поделились. Думала устроить себе алиби. Я уже соображала в российских законах, глупо рисковать не хотела. Ваня мудро заметил — Марина под особой воровской опекой, подумают на него, а раз я с ним, то и на меня тоже. Или отказываться от дела, или после дела сматываться вместе. Я недолго колебалась — была не была. С таким рыцарем хоть на край света.

Через день Марина отправилась на бенефис. Мы уже наготове. Пробрались в кабинет, ключ у меня был, и вот он, ящик. Ваня прихватил свой инструмент, сразу принявшись за дело. Ковыряется и ковыряется, всех чертей собрал и ни в какую. Час проходит, я нервничаю, а он: «Сейчас, Лялочка, сейчас, потерпи ещё минуточку, поддаётся».

Я находилась в спальне, Ваня в том закутке. Как появилась Марина, мы не заметили. Я встречаюсь с ней глазами возле разных дверей, и меня чуть удар не хватил, зато мой рыцарь не растерялся — треснул по голове железкой, она растянулась на полу, а он как ни в чём не бывало

закрыл на ключ дверь в кабинет, хрясть, хрясть, и ящик вскрылся. Роемся в нем, я к Марине. Вроде жива. У меня камень с души.

Ваня всё перерыл, нашёл кучу бумаг, долговых расписок, заёмных обязательств и кое-что из ценных бумаг. Денег всего три с половиной тысячи — жалкие гроши, нищему на заплатки. На Марине висело бриллиантовое кольцо, на пальцах сверкали кольца, он благородно отказался, и я тоже не посмела. Ушли спокойно под руку через парадный вход. Швейцар поклонился, Ваня с улыбкой ему красненькую. Вот это хладнокровие!

Из Одессы мчались окольным путём без сна и отдыха. На перекладных побоялись — могли по следу пойти. Нанимали мужиков и гнали, гнали и гнали. В Харькове расслабились, и Ваня пустился в кутёж. Самое дорогое вино, оркестр, сыплет чаевые, поит всех подряд, куролесит. За неделю спустил всё, что взяли у Марины, попросил у меня займы. «Нет, Ванечка, полушки не дам. Будешь меня слушаться, тогда другое дело». Я умею на мужчин влиять, учила его уму-разуму, вразумляла и вразумила.

В Курске жили две недели душа в душу. Рассказал о себе: дворянин, служил корнетом в кавалерийском полку, повоевал смело вроде тебя и из-за дуэли, где убил кого-то, вынужден был скрыться. Ему грозило лишение всех прав, разжалование и не то каторга, не то арестантские роты. Человек он смелый, решительный, вот и выбрал себе дорожку. Чувствовал, что рано или поздно поймут, потому гулял бесшабашно. Натура такая. А я волей-неволей стала зависеть от его форта. Взвешивала всё, передумывала, во мне еврейская кровь, для меня дико проматывать состояние. Из денег делают деньги.

Так вот, заскучал Ванечка без дела, начал высматривать в Курске богатые дома, каких-то мазуриков нашёл, обещая с ними поделиться, если подскажут, где можно взять наверняка. Ушёл к ночи и вернулся под утро. «Лялька, собирайся, я наследил, срочно убираться надо». Подались в Москву. Он украл тысяч десять и опять в кутёж. Я уже повлиять не могу — деньги его, не мои. Я кто для него? Любовница, Лялька... Иван мужчина сильный, властный, такого я могла бы полюбить и покориться ему. Но не вора же, не гуляку! Заставила себя относиться к нему как к обычному любовнику.

Мне хотелось побольше скопить денег из-за внезапно возникшей мечты уехать в Эстляндию, подальше от Одессы, от дурной славы. Осесть в тихом месте, начать скромную торговлю, стать хозяйкой, не завися от воровского форта. Тысяч десять — это самое малое для собственного дела. Работать или, на худой конец, стать содержанкой, другого выбора нет. Так что ж мне, прачкой начать? Раз пишу с ошибками, то какая из меня гувернантка? Быть любовницей — дело, можно сказать, привычное, но тоже зависящее от форта. Попробуй найди миллионщика. А сколько ждать, чтобы скопить десять тысяч?

Нашла прелесть в воровской жизни, скрывать не стану. Как будто в родную стихию окунулась. Трепетно, боязно, а сорвёшь запретный плодик, пусть мелочёвка какая-нибудь; стыришь пяток ложек да половник серебряный, а душа после поганенького дельца поёт. Радость, удовольствие и немного стыдно. Пощипывать в толчее обучать не надо было — талант врождённый раскрылся. Раз, помнится, сдёрнула у вальяжного господина луковку рыжую из жилетного кармашка. Я упала на льду возле его ног, он помог подняться, ещё шубку мою отряхивает. Часы уже в муфте, с улыбкой простодушной благодарю, и надо ж такому случиться: ярмарочный квартальный углядел. Хвать ручищей за муфту, заверещит... Тут Ваня на выручку, ещё один воришка костыльком по макушке причесал богатенького, и получилась обычная драка по пьяной лавочке. Ну, я и улизнала с часами. Потом, правда, выкупить пришлось из участка Ванечку и того, который под калечного солдата выделывался. С тех пор Ваня запретил щипать. Боялся, что влипну по-глупому, да и масть карманная мелковата. Так, пошालить для потехи или когда совсем на мели.

Было время, ради свободы рисковала, потом рисковала, чтобы потерять свободу. Глупо, не правда ли? И в детстве не было во мне таких дурных замашек. Дожила, обрела.

Началась война, мы продолжали работать в паре. За неполный год один раз сорвали восемь тысяч, а бывало: готовимся, готовимся и трёхсот рублей не возьмём. Делили форт на двоих, я откладывала, он же со своих делал мне подарки, случалось, нищим раздаст, гульнёт в Славянском базаре... Продолжал с полным равнодушием относиться к деньгам, а ко мне не был равно-

душен, любил по-своему, оберегал и, что очень важно, — понимал. Сходились в одном наши судьбы: он вне закона и меня закон не пощадил бы. Про все его дела и где кутил, я знала, и вдру до меня доходит, что кто-то из деловых уступил ему шикарную проститутку. Заявился Ванечка под утро, я подошла и со всей силы ему оплеуху. Испугалась, съёжилась, ну, думаю, мне сейчас перепадёт. Он виновато сел в угол, вижу, у него слёзы на глазах. Такой сильный мужчина и плачет! Я упала к его ногам, и у самой слёзы ручьём. Помолчали, потом он поплёлся к дивану и проспал до вечера. Раньше всегда звал меня Лялька или ласково Лялечка, а тут назвал Марией: «Мария, я завтра уйду в волонтеры, надоело всё. Хочу не в кандалах сгнить, в бою хочу с честью умереть». Я знала, что он на ветер слов не бросает, не посмела уговаривать. Он и ночью продолжал лежать на диване, я не сплю, ворочаюсь. Пришла к нему. «Уйди, — говорит. — Я впервые за десять месяцев бесчестно поступил по отношению к тебе. Уйди, я не достоин тебя». Вот какой был человек!

Утром ушёл и появился через два дня в солдатской форме. Я плакала, прощаясь с ним, он же, как камень, ни слезинки. Уговаривал немедленно бросить воровать, уехать, начать спокойную жизнь. Просил молиться за него. Все деньги свои отдал и ушёл с медяками в кармане.

У меня скопилось шестнадцать тысяч, и нет бы вникнуть в здравый совет. Безрассудное стяжательство, алчность — вся моя суть. Решила одна последнее дельце проверить. Мы давно приглядывались к известному биржевому воротиле. Знали, что после торгов у него всегда наличность присутствует. Ещё при Иване дважды с ним, как бы по надобности, встречалась; просила помочь продать оставшийся после покойного мужа кирпичный амбар. Самое большее неделю подождать, и подчистила бы богатого господина. Продумано всё было до мелочей. Прошло три дня моего одиночества, и поутру вламывается в апартаменты полиция. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Дождалась!

Обыск, угрозы и кутузка вместо спокойной жизни в Эстляндии. Не думала, что полиция такая оборотистая. Прознали про многие наши делишки, нашлись пострадавшие, и вовсе меня ошаршили — есть у них сведения, будто

бы я Марине голову проломила, обокрав на пятьдесят тысяч казённых денег. Обрати внимание — ка-зён-ных.

Так, видать, на меня обозлилась мадам. Не Иван её железкой погладил, а я. Хитрющая, из пробитой головы в утешение себе капитал приобрела на сорок пять с лишним тысяч. Оказывается, я украла деньги, которые казна выделила на воспитание несчастных сироток. Всплыло покушение на убийство Гриши, навесили ещё всяких злодейств, о которых я не слыхивала. Участь незавидная. Топать мне и топать до Сибири пешочком с посещением всех пересыльных тюрем. Обещали некоторое послабление, если выдам Ивана. Я предала сама себя, но не Ивана.

Для меня наступили ужасные дни. Одесская тюрьма — настоящий рай в сравнении с московской. Я в одночасье лишилась будущего, и раз его нет, то нет и жизни. Помимо безысходности, меня угнетали омерзительные запахи, крысы, грязь... Там негде помыться, нельзя сменить бельё... Я же чистюля, мои фарисейские предки наделили такой чертой. Я поблекла, пропал аппетит, и вскоре непонятная болезнь свалила с ног. Попала в тюремную больницу. Там чуть лучше, и вся отрада, что бельё чистое. Думали, помру, определили чахотку, и на время от меня отстали следователи.

«Спасение от иудеев», — так вроде в Писании. Нашёлся пожилой еврей, тюремный врач, и как-им-то чутьём вник в моё состояние. Выходил. А как? Поместил в небольшой чулан с оконцем, рядом не смердят соседки, не стонут, я после бани чистенькая, лежу на чистых простынях. Вот всё лекарство. Пищи достойной принести некому, он подкармливал. Неделька прошла, и я потихонечку начала расцветать. Ещё неделька, я уже как прежде. «Так нельзя, милая, — сказал Арон Семёнович, мой врач. — Поголодай теперь, потерпи. Щёки не должны быть розовыми». Он хотел меня подольше подержать, научил, как нужно кашлять, изображать лому в костях. Всё шло к тому, чтобы меня в дальнейшем определили в тюремный приют для неизлечимых. Это получше, чем Сибирь. Старичок проникся ко мне, но помочь бежать мог только разумными советами. В женской половине приюта охраны всего два человека, на ночь выпускают собак, за забором будка надзирателя.

Сколько раз за свою несчастную жизнь пыталась сбежать, и хоть надежда появилась.

И вдруг новая надежда в лице Богатырёва. Посетил мой чуланчик, уверенный, что у меня где-то припрятано не менее ста тысяч. Если я при смерти, то почему бы не умереть? На это Эконом намекал, заранее показывая бумаги, свидетельствующие о моей кончине. Там только число не указано. Задумка проста — ему пятьдесят и гуляй себе на свободе. Считать он умел, вот и посчитал, сколько я у Марины своровала, сколько потом у других. Марина соврала, да и другие преувеличивали. Не было у меня ни гроша. Всё отобрали. А как быть? Попыталась обольстить Эконома. Приласкала хлюпика, он неожиданно шархнется: «Не трогай, не трогай меня, женщина! Не сметь!»

На другой день я познакомилась с Кучкиным. Этот грубиян меня ударил и схватил за горло. Я, как кошка, вцепилась в него, визжу. На счастье, находился рядом Арон Семёнович. Вмешался и не позволил чинить насилие. Этого ещё мало, мой спаситель пожаловался высшему начальнику. Ты догадываешься кому.

Следующее моё знакомство состоялось с самим Колбасниковым. Пришёл разбирать жалобу. Из кожи вылезла ради соблазнения генерала. По масляным глазкам видела, какой в нём вспыхнул огонь. Посетил меня ещё раз, принёс всякой еды, вина. Потом ещё и ещё. Смешно, не правда ли? Пальцы устанешь загибать, считая, сколько раз меня продавали. Без моей воли стогваривались, а тут я уговорила Евгения. Обошлась я ему со всеми уступками, как два породистых жеребца на заводе Порфирия. Лежит, бедняга, мёртвый совсем рядом, не хотела ради той заслуги предавать его, но так получилось.

Мария замолчала.

— Два года назад ты обольстила Колбасникова, — заполнил паузу Алексей. — Устроилась мило под его содержание, потом содержание отработывала. Признайся, меня тоже хотела обольстить?

— А разве не получилось? По сих пор, битых два часа, держишь меня в своих объятиях. Слезки капали, разжалобился, мальчик мой... Нельзя быть таким доверчивым. Тебе врёт всё, заливает незнакомая женщина, воровка. Ты вспомни, подумай, кто я такая? Во-ро-вка! Я притворная, мошенница, обманом, фальшивыми слеза-

ми, всякими придуманными рассказами завлекаю, облапошиваю. Из банкиров, золотопромышленников, хитрованов, не чета тебе, деньги выманивала. С тебя выманила свою свободу, своё будущее.

— Нет, ты не врешь! Я чувствую, ты не врешь! — закричал Алексей, вскакивая с кровати.

— Наконец-то отпустил меня. Так слушай. Я блудила с пятнадцати лет в Румынии, потом в Одессу подалась, где богатеньких много.

— Я видел твои шрамы.

— Ревнивый любовник из ружья дробью выстрелил.

— Я найду капитана Андрея из Новороссийска, там всего две батареи стояли, — кипятился Алексей. — Я знаю тот форпост, куда грек тебя полумёртвую доставил. Найду тамошних офицеров и выпрошу. Грише последние зубы вышибу, шкуру вытряхну, он всё расскажет!

— Видать, я тебе небезразлична. На Ванду наплевать, на Порфирия, пусть сдохнет, а вот я... Обольстился, обольстился, Алешенька. Видишь, как у меня это просто получается.

— Опять ты меня пристыдила, — он развёл руками, потягивая затёкшую спину. — Нашла слабинку, и ты права.

— Да не дуйся ты. Не ставила я себе цель обольстить тебя. Не могу же я перед сильным мужчиной, моим повелителем, растрепаться, выпучивать глаза и мычать, как корова. Я хотела быть красивой, очень красивой.

— Машенька, ты самая красивая, ты самая умная! Нет на свете подобных тебе, нет!

— Я глупая, Алешенька, самая глупая. Только сегодня, сейчас, рассказывая правду о себе, сама себя вразумила. Бывает же такое. Во мне сидел бес и не позволял разглядеть закономерности, уводил мысли, оправдывал во всём. Достучался до моего сердца ангел-хранитель. Появился бы ты на час позже, или Евгений оказался бы порасторопней, и что дальше? Дальше могла упасть карета с моста, могли ограбить разбойники, внезапно могла возникнуть неизлечимая болезнь, любая беда неотвратимо обрушилась бы на меня. Нам пора расставаться, и я боюсь взять из ворованного даже самую мелочь. Имею кой-какие украшения, одежду себе покупала, бельё, и всё на ворованные деньги. Мне остаётся голой отсюда убежать, или как быть? Я боюсь, я правда боюсь! — последние

фразы Мария произнесла с безнадежным отчаянием, умоляюще смотря на Алексея.

— Ты голой родилась, чтобы начать жить. Начни опять, — с пафосом, сложив на груди руки, принялся наставлять отец-благодетель. — Я помогу тебе одеться. Вспомни про своего Андрея, его честь не позволила обобрать Гришу, он возмутился. Я тебе сразу сказал, что не возьму гроша из твоей печи, пусть лучше сгорят они там. И про удачу тебе говорил, и не видать мне её вовек, если бы искушение победило меня. А как тебе быть, сам не знаю. Ты боишься взять, я боюсь тебе дать. По мне хоть всё забирай, только жалко тебя будет, пропадёшь ты. Деньги, чёрт с ними. Ты мне очень кстати напомнила насчёт расплаты. Изменил супруге, и ждёт теперь меня какая-нибудь напасть. С рук не сойдёт. Таинственные силы настигнут и дадут пинка увесистого. Давай так, мне положено пятьдесят тысяч за Мясника, из них десять обещал Аслану, матросу дам рублей пятьсот. Это мелочь, итого... Дели давай тридцать семь на двоих, компаньонка.

— Куда мне столько!

— Возьмёшь, возьмёшь, купишь лавочку, торгуй на здоровье. Твоя еврейская кровь не даст разориться. Заберёшь тысячу, поедешь прямо сейчас в Петербург и поселишься в доме Павла Гапацкого. Запомни. На Земледельческой у Павла Гапацкого. Я появился в Питере месяца через три-четыре, а может, через полгода. Хочу испросить отпуск у Великого князя и побыть на своей родине в Калужской губернии. За тобой пригляд нужен, вдруг бес вновь овладеет. Найдётся какой-нибудь Ибрагим богатенький и соблазнит тебя пухлым кошельком. Загорюет бедняга, лишившись денег и красавицы, зато бесу в радость, он новый соблазн. Я за тобой прослежу, ты империи станешь служить, отдавать долги за грехи. И что приютил тебя двуглавый орел, и за это заплатишь. Петербург — рассадник вольнодумства, оттуда смута по стране распространяется. Не только разбойники вредят, от смутьянов куда больше империи ущерба. Ты потрясающе умна, обаятельна, да ты всех проведёшь, ты куда угодно проникнешь. Тайный агент высочайшего уровня, вот кто ты. Забирай тысячу и забирай побрякушки, шляпки и мелочь всякую. Я привезу деньги за Мясника и Порфирия, принесём жертву во славу Божью, и грех сей спишется. Покойников не

боюсь, пойду посмотрю, что за паспорт тебе приготовил Евгений.

Через пару минут Алексей с улыбкой прочитал:

— Мария Ивановна Дубинина. Очень красиво и неброско, с удачным намёком. Я же обещал, что мы с тобой дубинками помахаем. Дальше так... Девушка двадцати пяти лет. Что же вы за люди, женщины? Хоть пару лет, но надо сбросить. Подойдёт. Православная, потомственная дворянка. Тоже хорошо, подойдёт. Сама придумала?

— Сама, сама, Евгения попросила на четыре года сбавить, а он только на два. А я выгляжу на двадцать три? — Мария кокетливо поводила плечами, ухмыляясь.

— Не вздумай из-за такой ерунды паспорт поддельный подделывать. Промолчу лучше.

— Это для тебя ерунда, для меня очень важно, — она резко переменялась и строго посмотрела на благодетеля. — Правильно подметил, не понять тебе женщин. Я не поеду в Петербург, мы сейчас расстанемся навсегда для твоего же блага.

— Я не нашёл в тебе вины, ты не виновата перед Россией. Заслужи прощения! — не согласился Алексей и обиженно посмотрел на неё.

— Откуда такие напыщенные слова? Тебе не жалко твою Оленьку?

— При чём здесь она?

— Эх, Алёшенька, Алёшенька. Хороший ты человек, добрый, честный, смелый, но не ведаешь, что творишь. Слушая мою историю, ты то и дело поглаживал меня, все волосы растрепал губами. Это уже разве не маленькая измена?

— Все твои женские прелести не для меня. Я тебя жалел, как заблудшую овечку, как ребёнка... Так это... Как-то само получилось... — приёмный отец потупил взор, превращаясь в нашалившего сынишку.

— Ты неосознанно направляешь меня в Петербург, ещё не прозрел, но тебе не хочется меня терять. Я не империи, я тебе нужна. И в тебе бес сидит, и он знает, как незаметно вкрасться в душу. Ты начнёшь меня навещать под благим предлогом, зачем тебе лишнее искушение? Хочешь, я тебя Масловой попрекну? Давай будем разумными людьми, ты решил так, я поступлю по-другому. У меня есть рублей сорок, и мне хватит этого. Поеду в своё имение в захолустье. Даже если Ипполита уже нет в живых, я всё равно по закону хозяйка и наследница. Дай Бог

ему здоровья, пусть живёт, мне придётся ухаживать за ним, вести дела, изводить долги, воевать с холопами. Это куда больше забот, чем иметь лавку. Давай спеши к своей Оленьке и вызывай сюда полицию. Расходимся навсегда и без прощальных поцелуев, — твёрдо сказала Мария, выражая всем своим видом полную решимость и бесповоротность.

— Не могу. Мне тяжело... Может быть, всё же Петербург? — смалодушничал компаньон.

— Будь сильным, будь мужчиной! Откажись от меня!

Алексей несколько минут молча ходил по комнате, думая только о своей супруге, окончательно убедившись в горькой правдивости сказанного.

— Делай что хочешь, бери что тебе надо и прости меня, — с отчаянием произнёс Алексей. Он поглядывал в темень окна, с тяжёлым сердцем думая о принесённой жертве.

— Я вроде готова, взяла домашний халат, ещё одно платье, всякую женскую мелочь. Из украшений только в память об Иване кольцо с изумрудом. В печь бросила остальное и чуть-чуть взяла оттуда, ну самую малость. Куда мне теперь? — укоризненно вопрошал звонкий голос.

— Поедем вместе к Варваре. Ты там переночуешь, и утром чтоб духу твоего в городе не было, — вспомнил Алексей про пустой карман и добавил: — Дай мне рубль взаймы, провожу до Варвары и домой, к Оленьке.

— Возьми, убогий, но это взаймы. Так ты говорил про номера Павла Гапацкого в Петербурге?

— Не номера, а доходные дома. Ах ты, негодная девчонка, опять меня перехитрила!

Глава 30

Утро началось в семь, не дали выспаться. Разбудил топот десятков ног и громкие крики, словно в доме пожар. Алексей едва успел продрать глаза, а уже стучали в комнату. Настойчиво, сильно, чувствовалось, что-то случилось. Оленька сладко потягивалась с закрытыми глазами. Поцеловав её в щёчку, молодой граф подбежал к двери:

— Что вы ни свет ни заря взбудоражились? Горит что?

— Ваша милость, ваша милость, — возбуждён-

но забубнил старый дворецкий, — полиция нагрянула, сам Коршунов, вас требуют вниз.

— Час от часу не легче. Пропади они пропадом, сейчас спущусь.

Алексей быстро переоделся в домашнее и собрался выйти. Ольга сонно спросила:

— Что им надо? Ты за пять дней столько сотворил, всей полиции за год не управиться.

— Похоже, меня под арест, не иначе.

— Я с тобой спущусь, но мне переодеться, умыться, в порядок себя ...

Князя тоже подняли, и он успел лишь облачиться в халат, стоял на нижней ступеньке лестницы, выслушивая хрипловатый бас Коршунова. В нижней зале за спиной обер-полицмейстера маячили фигуры Титова и Миланова, возле дверей выстукивали паркет сапогами четверо нижних полицейских чинов, все как на подбор с закрученными колечками усами.

Алексей был совершенно спокоен, имея на руках столько козырей, о которых не ведал Коршунов. Покрывалась любая мелкая карта, а кроме мелочи ходить тому нечем. Даже интересно было знать, что могут предъявить? Штабс-капитана? Покончившего с собой Колбасникова?

— Ну что, пришли со стражей пленить меня? — учтиво поинтересовался Алексей.

— Я на то имею полное право и предписание! Про все ваши безобразия подготовили подробнейший отчёт, уже составлена депеша Великому князю Константину Николаевичу! Уже телеграфом выстукивают! — сверля колючим взглядом, понёс обер-полицмейстер.

— Это в чём я провинился так, ваше превосходительство? Я чист, как ясное небо, — театрально разведя руками, улыбнулся Алексей.

— Не паясничайте, — вскипел Коршунов. — На этот раз вам с рук не сойдёт. Хотите, я перечислю все ваши преступления, совершённые за несколько дней?

— Мы с Виктором Илларионовичем с превеликим удовольствием выслушаем. Позвольте нам расположиться на диване. Вы обвиняйте, приводите свои доказательства, а я — свои. Я ни одной пули не выпустил зря, если и ударил кого, то за дело или защищаясь, — позёвывая, совершенно не обиделся полковник.

Князь поддержал:

— Граф Тимофеев честный и благородный человек. Не позволю арестовать его в моём

доме. Прошу подробно изъяснить, в чём его обвиняете?

Коршунов скривился в ехидной улыбке:

— Вы садитесь, господа. Ха-ха, ни одной пули зря. Ударил за дело! Смешно и горько слышать. Я весь вчерашний день ходил за ним по следам и наступал на трупы. Видел избитых, несчастных, невинных людей. Я всю ночь не сомкнул глаз, но не напрасно. Хотите подобного изложения, извольте. В вас, молодой человек, злой гений Бонапарта, гордыня его, но и закономерная участь. Вы геройски воевали, наперекор смерти добивались чинов и наград. Заслуга несомненная. Я читал барона Корфа и дивился вашему хладнокровию. Вы жестоки, но тогда это оправдывалось. На войне как на войне. Вы не брали пленных и беспощадно резали раненых врагов. Я неспроста вспоминаю о вашем прошлом, вы не изменили своих взглядов, нашли врагов и с изощрённой жестокостью уничтожали их. Кто разбойник, кто нет, кто случайный свидетель, какая разница. Он враг ваших честолюбивых стремлений, потому заслуживает смерти. Ну как же, на вас сам государь смотрит, Великий князь, как тут лицом в грязь ударить. А как найти иголку в стоге сена? Да никак, будь ты семи пядей во лбу. Даже вам, такому ловкачу, невозможно. Вы надеялись на везение и случай. Зацепились в деле об убийстве Быстрова за некоторые неясности. Я сам помог и откровенно в деталях всё рассказал, затем по доброте душевной предоставил вам случай — послал следить за Агаповым. Там вновь благоприятный случай повернулся к вам лицом. Эти молодые люди помчались выслеживать посетителя Агапова, и кто ж вам мешал воспользоваться случаем? Вы знали — Агапов мелкий трусливый человек, решительности и дерзости вам не занимать. Вы беспрепятственно зашли к Агапову, приставили к трусливой башке пистолет, и он вам всё выложил про Мясника, где скрывается шайка и прочее. Оставлять его в живых нельзя, иначе вам лавры не достанутся. Убивать вам приходилось десятки раз, один удар ножом в сердце и нет первого врага.

— У меня не было тогда пистолета и тем более ножа! — улыбаясь, заявил Алексей. — Это подтвердит моя супруга. Впрочем, вы очень завлекательно рассказываете. Обвинительная

речь прокурора. Защита пока помалкивает, продолжайте.

— Вы уложили убитого на кровать, — Коршунов сделал вид, будто не слышал, и с самым серьёзным видом забасил дальше, — укрыли мертвеца одеялом и вернулись на чердак. Полиция лишилась последней ниточки, зато у вас целый клубок. Вы хозяин положения, но спешить не собирались. Просто так пристрелить Мясника, а потом всю шайку очень подозрительно. Решили создать видимость, что распутываете подозрительную смерть Быстрова. Я опять вам помог, предоставив адреса лжеподозреваемых. Вот вы и начали усердствовать. Раздолье. Демонстративно показывали своё рвение. Отметились у Тишко, у Польшанова, там же встретили давнишнего приятеля, барона Штерна. Зачем вы ударили по лицу вонючей рыбиной благородного человека, надворного советника Плюева? Я же говорил, вам надо было создать видимость, потому оставляли за собой след. А потом начались просчёты. Опрометчиво определили в злодеи штабс-капитана Любавина, присутствовавшего на юбилее Польшанова. Убили его, подстроили так, будто он покушался на вас. Очевидцы видели, как вы склонились над ним и наверняка подсунули пистолеты. Бросили простреленный ящик с тухлой рыбой и бежать.

— Пойдите, пойдите, — остановил горячую речь прокурора Алексей. — Супружеская чета Хвостовых засвидетельствует, что я выходил из их апартаментов. Через минуту четыре выстрела, и кто кого поджидал? Нескладно получается.

— Вы были у Хвостовых? — удивился Коршунов.

— Агапова я не убивал, у меня не было оружия. Хвостовы и их служанка подтвердят, что именно меня Любавин поджидал, а не я его заманил.

— Хм, хм. Мы проверим, всё проверим.

— Нет, вы считайте Хвостовых моими сообщниками, продолжайте обвинять, нам очень интересно разгадывать полицейскую логику.

Коршунов минуту смотрел себе под ноги и вдруг нашёл объяснение:

— Вы пришли с Любавиным, велели ему подождать возле дома Хвостовых. Может, так, может, по-другому, хитрости вам не занимать.

— Пусть будет по-вашему, защитите нечего отве-

тить. Продолжайте, — махнув рукой, признал вину подозреваемый.

— Вы надуманно создали иллюзию, что подвыпивший Китаев проболтался на банкете о слежке Быстрова за Мясником.

Такого уж Алексей стерпеть не мог:

— Так было на самом деле! Тому свидетели Штерн, его супруга, сестра супруги.

— Пусть так. Ну, Китаев, Китаев. Тьфу на него. Сбил с мысли.

— Я вам помогу, — вмешался в ход умных мыслей обвиняемый. — Вы от злодейски мною убитого Любавина подойдите к Колбасникову. Мясника я убил, заманив на похороны Любавина, двух его сообщников тоже. Тут всё ясно, это я у Агапова выведал. Шайку всю постреляли со Штерном и чеченцем, это тоже от Агапова. Не теряйте время, я за вас говорю.

— Вы очень расчётливый и хитрый, и я многое не учёл. Позволяете издеваться надо мной? — закипятился полицмейстер, нервно подёргивая лицом. — Ну, ничего, ничего, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Я дойду до Евгения Николаевича, дойду. Вам всё равно не отвертеться. Да, это вы убили Мясника и сообщника. Мне не объяснить, почему они очутились на кладбище рядом с местом, где хоронили Любавина. Найдётся разгадка, всю вашу хитрость разоблачим. С такими способностями в стрельбе вы могли ранить обоих, но предпочли убить. Оружия у них не обнаружено, найден нож. Почему так?

— У Мясника был пистолет, сообщник, по прозвищу Червь, налетел на меня с ножом. Этого я застрелил двумя выстрелами в упор и едва успел опередить Мясника. Всё могут подтвердить барон Штерн и мальчишка, который упёр пистолет из озорства. Вопросы есть?

— Хм, и тут вы невинны. Мы всё кропотливо проверим. Но зачем надо было лишать жизни невинного человека, извозчика? Избавились от свидетеля?

— Он тоже состоял в шайке, и при тщательном дознании это подтвердится. Попытался убежать, я стрелял со ста шагов и случайно угодил ему в шею.

— У вас на всё ответ заготовлен, — топнул ногой Коршунов.

— А у вас одни домыслы, у меня же факты, доказательства. Что ещё имеете?

— А почему вы налетели на ватагу разбойников с чеченцем и вашим приятелем бароном? Их было втрое больше. Почему не поставили в известность полицию? Убили всех, оставили одного самого ничтожного, мало что знающего... Почему вы своевольничаете?

— Если бы на полчаса позже пришли, все бы разбежались. А пока ваших соберешь, трое суток пройдет. То, что убили почти всех, есть моя вина, но не получилось иначе. Кстати, тот пленный убедительно верит, что шайкой заправляли вы. У вас есть красивая любовница, вы имели встречи с Мясником и загребали половину воровского барыша.

Коршунов побагровел, опять затопал ногами, хотел что-то сказать, но от гнева сумел только издать хрипловатые звуки.

Алексей ему новые неожиданности:

— Не он один это подтвердит. В Таганской тюрьме тайно содержится в качестве заложника сын Мясника. Он порасскажет немало, мальчишка труслив и такого выдаст, что не дай Бог до газетчиков дойдёт. Мясник до последней минуты жизни верил в вашу опеку. Я вижу, вам сейчас станет плохо, сразу успокою. В мундире действительного статского советника, со всеми вашими регалиями, выступал некто Порфирий, он же Клим Рогожка, паразитально похожий на вас.

Коршунов безвольно прохрипел:

— Его спалили заживо, и тому скоро тридцать лет минует. Колбасников отличился.

— Отличился, кто ж с вами не согласен. За это наградил себя пулей в рот.

— Нет, вы его убили, вы убили! — чуть ли не в истерике затрясся полицмейстер: — Честного, благородного, моего соратника и товарища по службе... Пистолет валялся в трёх шагах от тела, сам несчастный лежал скрючившись, спиной к нему. Так не бывает при самоубийстве!

— Согласен, не бывает, — спокойно признал Алексей. — Я подвинул тело, чтобы не шокировать даму, его любовницу. У меня есть письменное признание её во всех смертных грехах вашего товарища и соратника. Есть много имён ещё не арестованных пособников Мясника. Некто Синельников знаком вам?

— Вы имеете в виду титулярного советника Синельникова? — безнадежно просипел Коршунов.

— Он, голубчик, он.

— Я его отправил в Серпухов на следственное дознание. Завтра должен прибыть.

— Вам надлежит немедленно заняться сыном Мясника, его могут с минуты на минуту прикончить как опасного свидетеля. Принесу вам ещё одно признание господина Богатырёва по прозвищу Эконом, и работайте, работайте.

В Коршунове окончательно потух дух противоречия. Спросил без всяких эмоций:

— А сам Богатырёв мертв, не так ли?

— Успел перед смертью во всём признаться.

— В конторе ещё два трупа, ну разве можно вам доверять? Всюду одни мертвецы, это что, опять случайность?

— Живых тоже хватает, и я предлагаю побыстрее начать работать с живыми, пока при помощи Синельникова они не посинели.

— Вы всё шутите, а мне не до шуток. У мадам Крючковой мы не нашли денег из казначейства. Всё перерыли, нет денег. Барон Штерн от вашего имени передал — ищите, деньги там. Кому верить?

— Мне и барону. Вам же сказали — искать. А вы плохо искали, все деньги лежат в изразцовой печи в спальне.

— Прямо сейчас поедем, все поедем, и вы тоже!

— Я спать хочу, я за вас всё разжевал, вы глотайте.

Коршунов вспомнил, в чём ещё можно обвинить изворотливого агента:

— Мадам Крючкова, ваша сообщница, и по нраву дикая, и повадки жестоки. Чуть не убила мадам Колбасникову. Кучер, которого вы назвали Климом Рогожкой, пострадал не меньше. Слуги Колбасникова донесли. Я посетил пересыльный замок и с трудом отбил несчастную женщину у Полянского. Он грозил мне пистолетом, не подпуская к кучеру. Говорил про убитого им племянника, я на время сдался, но уговорил допустить тюремного врача к избитому старику. Женщину определили в больницу, ну и ругани довелось от неё услышать... Такими сыпала выражениями, и не мудрено, что Евгений Николаевич её в свет не выводил. Вся в синяках, места живого нет... Так дубиной избить даже живодёру совестно.

— Она считалась его супругой формально, но сожительствовала с кучером, — пояснил Алек-

сей. — Колбасников не имел детей, оба отпрыска от разбойничьего древа.

— Допустим, я вам поверю, но верится с трудом. Доказательств вины Колбасникова я так и не вижу.

— Мне что, за вас ещё следствие вести? Хочу посоветовать, с чего начать. Надавите на Ванду, настоящую жену Рогожки. Вы умеете грозить и обвинять, на себе испытал. Вот вам ещё одно признание. Она готова к нему, я сам слышал, как при Полянском ненастоящая жена Колбасникова не высказывалась о многом. Уже надеялась на снисхождение. Сын Мяника жаждет исповедаться, Синельникова покрутить надо, есть тюремные надзиратели, какой-то пристав, я вам принесу бумаги. Что вам ещё надо? У Рогожки усильте охрану, это он убил Агапова и Быстрова. Плюеву не понравились селёдки, и он накинулся на меня с черпаком. Пришлось рыбки дать понюхать.

— Вспоминаю, как вы мне актёров подсунили для отвода глаз. Не могу поверить вам, и всё! — хрипло простонал полицмейстер, уже не надеясь на чудо.

— А тогда поверили же, помчались!

— Сейчас тоже помчимся, служба наша такая, без сна и отдыха. Мадам Крючкова была любовницей Колбасникова?

— Была любовницей Колбасникова и была любовницей Любавина. Покойный Евгений Николаевич слыл меценатом, поощрял искусства, по доброте душевной вовсе не ревновал к нему, а, напротив, помогал деньгами. Правда, иногда в мелочах просил посодействовать. Вот и меня попросил убить, а тот не смог отказать благодетелю.

— Для меня очень важно побеседовать с мадам Крючковой. Куда вы её упрятали?— Коршунов опять начал выходить из себя.

— Рад помочь, но не могу. Всё, что от неё осталось, это искреннее признание, написанное её рукой. Вам принести?

— Значит, она тоже мертва?

— Отнюдь нет. Упорхнула птичка. Крылышками помахала — и нет её. Моё досадное упущение. Каюсь, не доглядел.

— Ха, ха. Тут уж вы явно лукавите. С ней совместно погром учинили в доме Колбасникова. Я уже поминал, с каким усердием она избила дубинкой мадам Рогожку. Фу-ты, что я сказал.

Заговариваться из-за вас начал. Мадам Колбасникову.

Коршунов с умоляющим взглядом обратился к князю Васильчикову:

— Виктор Илларионович, будьте непредвзятым судьёй, я взываю к вашей совести. Слышали, сколько странностей, сколько несуразностей, полторы дюжины мертвецов, главный свидетель, оказывается, летать умеет. Где тут правда, где ложь? Рассудите здраво.

Князь встал, помедлив с ответом. Заговорил обычным тихим голосом:

— Я до полуночи имел беседу с кавалером Георгием, отважным морским офицером, бароном Штерном. Он убедил меня, ссылаясь на допросы свидетелей, что вы, Владимир Сергеевич, главный злодей всей Москвы и окрестностей. Ваша любовница, мадам Крючкова, опасная шпионка, и вы на пару фактически заправляли шайкой Мяника. Я хотел было гарнизон поднять, чтобы вас обезвредить. Ночью пришёл Алексей и отменил тревогу. Всё поставил на свои места. Он очень устал и попросил барона разбудить вас, срочно навестить апартаменты Крючковой и забрать деньги. Когда тот умчался, Алексей посетовал, что забыл указать, где тайник, — князь, зажав рот, содрогнулся от смеха.

Коршунов с укором просипел:

— Гнусная клевета — не повод для смеха!

За его спиной пару раз хмыкнул Миланов. Резко развернувшись, обер-полицмейстер изрёк:

— И ты, Брут! Ты мне сам намекнул про Агапова. Подавился ты смехом или говори, что думаешь?!

— Мне, мне, до меня уже давненько доходило от агентов, что вас пару раз видели в казённой карете с красивой брюнеткой, — виновато промямлил секретарь.

— Да что за чушь ты несёшь! Какая брюнетка?

— Теперь знаю какая, мадам Крючкова, — плюхнул, краснея, доверенный.

Глава 31

Нарядная Оленька появилась к шапочному разбору, когда деятельная полиция уходила глотать разжёванную пищу. Князь, сладко зевая, отправился досыпать. Алексей нежно прижал к себе любимую:

– Ты тоже не выпалась из-за меня. Продолжим прерванный сон.

К полудню Оленька дочистила пёрышки, и с опозданием состоялся завтрак. С шутками вспоминался визит Коршунова, ну и, конечно, радовались успешной победе.

Алексей с нетерпением ждал обещавшего навестить барона, хотелось определить судьбу Никиты, был ещё грек-шпион, из которого пора было, как из Эконома, вытряхнуть душу. Он пока являлся единственным свидетелем злключений Марии. А были ли злключения вообще? Сердце упрямо подсказывало, что были. Но были ещё и сомнения. Бывшая пленница самого пленила, но не блистательной красотой, не изысканным вкусом или божественной походкой, а чем-то другим, не осязаемым и не внешним. Он сам ещё не разобрался и прекрасно понимал, что в этом разобраться невозможно. Птичка обещала свить гнездо в известном ему месте, и вот теперь новая забота, новые переживания – станет ли птичка хищной или довольствоваться будет обычными зернышками.

Барон медлил, но зато Коршунова не зря так часто поминали за поздним завтраком. Явился не запылится. Алексей с опозданием осознал, что сам хорош. Сам напустил туману; всюду трупы, куча подозрительных совпадений. Старика даже жалко стало. Не попрекать же его?

– Владимир Сергеевич, вы простите меня, грешного. Виноват. Я на вашем месте с самим собой ещё жёстче бы поступил, – решил предупредить ожидаемые извинения Алексей.

– Я так думаю, сынок. Молодец. А что я хотел сказать? Забыл, вот память проклятая, – моргая, полицеймейстер постучал себя по лбу.

– О том, как ведётся следствие, – вежливо напомнил Алексей.

Коршунов приободрился:

– Слушайте, Алексей Тимофеич, чего нам удалось достигнуть. Миланов помчался допрашивать госпожу... фамилией наделять её не хочется. Вы знаете, о ком я. А мы к Крючковой. Нашли деньги и много украшений, там вроде не хватает тысячи, но это и не важно. Часа два корпели, считая и перекладывая, вызвали подмогу, ну вам уже неинтересно, куда перекочевали сокровища. Потом я с Титовым подался в замок. Полянский, молодчина, едва на ногах стоит от

усталости, а службу блюдёт, глаз со злодея не спускает.

– Так вы убедились, что это Рогожка?

– Убедился, спасибо тебе, сынок. Как в замок приехали, мне доложили, что в вещах арестованного нашли вицмундир действительного статского советника и точь-в-точь все мои награды. Ювелир частный постарался. Я поблагодарил Полянского и давай с ним допрашивать душегуба. Молчал сперва, плевался, отнекивался... Он ещё не знал, что Колбасников мёртв, и мы попытались откровениями сообщника надавить. Грозил признанием сожительницы, хотя Миланов ещё не поспел. Всё никак. А вот когда зачитали признание Крючковой, он так взорвался! Думали, от гнева кондратий хватит. Стал поносить птичку вашу последними словами и по ходу дела во всём признался.

– Он отлучался на юбилее Польшанова, и есть свидетели, – перебил Алексей.

– Знаю, это он убил несчастного Быстрова. Полянский из него вытянул. Агапов – тоже его рук дело. А тут очень кстати появился радостный Миланов. Рогожкина такого наговорила, даже вы удивитесь. Спасала свою шкуру и всё сыновьями прикрывалась, невинной овечкой себя изображала. Как она Эльвиру Крючкову хаяла! Как будто сговорила с сожителем. И убийца, и воровка, и заправляла Мясником, если перечислять всё, сам Рогожка куда чище выглядит. Может быть, вы поспешили с ней?

– Я горжусь этим поступком.

– Непонятно мне, вы не святой отпускать чужие грехи, – проворчал Коршунов.

– А мне очень понятно. Доведётся, посетит меня вдохновение, готов целый роман написать о судьбе гордой рабыни. В трёх словах рассказать о ней не получится, нам бы вечер посидеть вдвоём, вы выслушаете и полностью со мной согласитесь.

Коршунов с улыбкой похлопал Алексея по плечу:

– Что уж там... хе, хе. Дело молодое... хе, хе. Одной больше, одной меньше. На Хитровке сотни таких прохиндеек. Взял и забыл про неё, забыл. Я могу на «ты», могу и на «вы». Хочется быть ближе к тебе, потому и запинаясь.

– И надо проще, давно пора. Вы не спали совсем, Владимир Сергеевич, ехали бы отдохнуть.

– Нет, Алёша, ты ошибаешься, спал. Туда

полчаса в карете, сюда полчаса, и целый час вышел. Поехали люди брать тех, кто в твоих списках. У Колбасникова слуг допрашивают, у Богатырёва нашли много важных улик и на полмиллиона векселей. Работы хоть отбавляй, а мне надо поспеть всюду. Завтра прибудет Константин, мы ему и казначейские денежки, и всех твоих мертвецов предъявим. Он же любитель к мелочам придирается, так извольте вам целый десяток живёхонких с полным перечнем всех злодеяний, — весело пробурчал полицмейстер.

— Вам про Любавина не всё известно, есть очень пикантные подробности, — Алексей хитро подмигнул, решив побаловать старика острой приправой. Барону вкусно показалось, похрюкивал даже, стервец. Но Коршунов отмахнулся:

— Это после, после. Расскажешь про птичку, ну и прочее. Жаль, Синельников завтра к вечеру объявится, я ему капкан поставлю. Поехал я, Алёша.

Коршунов поспешно вышел. Алексей радовался, что не позволил старику извиняться, ведь было ясно, зачем он приходил.

Барон не заставил себя долго ждать, явился бодрым и, как всегда, излучал коньячные пары.

— Я по пути навестил нашего матросика. Жив, здоров и пьян, шельмец, — доложил, улыбаясь, Николай.

— А сам каков?

— После боя не грех.

— Тебя накормить, ещё рюмочку?

— Нет, нет. Хватит. Матросик паникует, склянки на главной палубе полундру бьют.

— Надо бы его башкой по рынде стучать, а приходится выручать. Раз пить-есть не желаешь, поехали к нему.

Друзья зашли в неприглядный двухэтажный кирпичный дом. Со второго этажа, шаркая ногами, спускалась женщина в замызганном салопе, по виду вдова спившегося лавочника, из тех, которым вечно нужно совать нос в чужие дела. Барон уже имел счастье с ней познакомиться и выслушал жалобу:

— Ваш служивый шибко пьян нынче, ругается. Матрёна ихняя при нём.

Алексей досадно сплюнул. Николай, зная расположение комнат, привёл его в жилище бывшего матроса. Раненый страдалец лежал в углу

на кровати, на коленях возле него стояла женщина. Комната была просторная, опрятно выглядела, но неприятный запах перегара при закрытом окне вызывал отвратное чувство. Первым делом Алексей настежь раскрыл окно. Женщина с удивлением и испугом посмотрела на него, и сразу бросилось в глаза её лицо — круглое и весьма миловидное, с толстой, по-крестьянски заплетённой косой. Она проворно поднялась, застыв в раболепном поклоне. Никита, приподнявшись на локтях, радостно захмыкал. Наградив подругу строгим взглядом, прохрипел:

— Мотька, вон уходи!

Как только женщина выскользнула за дверь, на боевого соратника обрушился гнев:

— Свинья ты! Новую грязь нашёл! Я эту четверть водки об твою башку разобью!

— Виноват, ваш высокородие! — затарахтел, обдавая сивушным ароматом, матрос-разбойник. — От боли нестерпимой, от боли всё. Спасу нет терпеть, а так оно веселее. Дохтур ковырял с утра и завтра обещалси.

— Я тебя легонько, любя. Что он там нашёл?

— Говорит, недельку обождать, ежели антонов огонь зачнётся, то по самую жопу, того. В больнице отрежут, он сам не моёт.

— Покажи ногу, дурак.

Никита, сморщившись, откинул одеяло. Алексей как опытный врач осмотрел и даже прошупал простреленную ляжку. Затем сделал заключение: — Нет у тебя ничего, одно мясо пострадало. Сколько с тебя живодёр дерёт?

— По двое целковых, гад, и ещё мучает.

— Зато меньше в аду будешь мучиться. А это кто такая была?

Никита оживился:

— Энту от мужа-истязателя вырвал. Бил до кровей, ирод, а сам пьян с утра до ночи.

— А ты лучше?

На это он не ответил и в чувствах запыхтел о своей Матрене:

— Они при графе каком-то в услужениях были. Ейный в дворниках, а она вроде горничной. Шёл я с Петрушкой, вы его насмерть убили, а энтот выволоч за волосы Матрёнушку и дубасит чем попало. Думал, она с барином того. Мы с Петькой такого безобразия, богохульства измывательского, не потерпели — отделали дворника до бесчувствия. Колодой валялся. Тому месяц минуло, ишо до Ильина дня случилось.

— Она, получается, из крепостных? Ты от мужа и от барина выкрал?— строго спросил Алексей.

— Я-то не пугаюсь, нам, морякам, любой шторм, тьфу, вот ей боязно. Розыска боится. И не знает она, что я того...

— С кем ни свяжусь, одни заботы. Зови свою Матрёшку.

Никита силло гаркнул, и в комнату с опущенной головой зашла ещё одна несчастная жертва. Бывший матрос ободряюще захрипел:

— Изволь, Мотенька, посмотреть. Мы с их высокородием в боях вместе. Нынче он при императоре в полковниках, и ты не пужайся, своих не выдаст.

Алексей вспомнил:

— Забери, герой, два креста и все бумаги свои.

— Да как вы сумели?

— Эконому ты дал на хранение, он вернул мне, благодетель твой, и тотчас преставился. Мор нынче пошёл на всех, кого ты знал.

Кроткая Матрена ужаснулась:

— Да как же так, батюшко?

— Бывает такое, бывает, Матрёнушка. А сколько тебе годков?

— Двадцать восемь, барин.

— Дети есть?

Женщина разрыдалась. За неё ответил лихой жених:

— Сыночек остался пяти лет в Тамбовской губернии. Кручинится, бедняжка, дня без слёз не бывает.

— Мне необходимо творить благие дела, наггершил много за последние пять дней. Пусть хоть спишется самая малость, — Алексей уже всё решил и за Никиту, и за Матрену. — Как с ногой станет получше, думаю, дней через пятьток сможешь ковылять, а я к тому времени деньжат тебе подкину. Поедешь в село Андреевское, тут недалеко, я расскажу, как добратся. Мой тесть, барон фон Виттенбах, даст тебе землю и приютит. Поможет скотину завести, ты только работай. Запомни, он не потерпит пьянства. С Матрёной обвенчайся тайно. Грех, конечно, но что делать.

— Матрёнушка, вылей четверть в отхожее ведро, — проникся оказанным доверием Никита. — Вот с мальчонкой беда, чем бы помочь горю нашему? — матрос почему-то с надеждой обратился к барону.

— Выкрадешь, — у отставного лейтенанта мгновенно созрело простое решение: — За что тебе два креста дали?

Алексей поддержал:

— Граф не обеднеет. Давно пора отменить крепостное право.

Матрос радостно заукал.

Глава 32

Пять прошедших дней для Ольги оказались нелёгкими. Переживания за супруга, пропадавшего день, а то и ночь, лишили худенькую фигурку двух фунтов веса, отразились бледностью на щеках, взрывами раздражённого фырканья. Прошли сутки, и она вроде успокоилась. Как только доложили, что Великий князь с целой свитой приедет несколько раньше обычного, она оживилась, полтора часа примеряла наряды, и если Алексей заслужил похвалу от царственной персоны, то и для себя неплохо было бы урвать кусочек славы. Кто подсказал супругу посетить похороны Любавина, как не она? С Алексеем быстро сговорились, и он готов был поделиться лаврами. Коршунов тоже требовал для полиции малую толику, правда, в конечном итоге, не обошлось без оказии. Так случилось, что по чьей-то оплошности или разгильдяйству Великий князь не успел получить победную реляцию о найденных казначейских деньгах и о разгромленной шайке. Отстучали телеграфом с опозданием, когда экстренный поезд уже выехал из столицы.

Константину представили боевые приключения любимчика в самом неприглядном виде. Он заключил пари, понадеялся на везунчика, а тот из усердия наломал дров. Всем должно достаться без исключения, для каждого заранее приготовлена обличительная речь, а везунчика, которому на этот раз не повезло, скорей всего простит. Да, да, простит. Нахмурит брови, обругает, весь гнев обрушит на полицейское начальство, на жандармерию, на всех, кто подвернётся, и всё будет выглядеть законно, и не посмеют помянуть о проигранном споре.

Алексееу Виктор Васильчиков любезно предоставил карету, но, как назло, кучер доложил, что два колеса изуверски выломаны. И не понять — преднамеренный ли это злобный расчёт

или чьё-то бездумное пьяное ухарство. Делать нечего, надо спешить. Ванька подвернулся прямо возле дома. Поехали.

Некоторое время супруги загадочно молчали, погружённые в свои мысли. Мыслили они приблизительно об одном и том же, предвкусывая, как удивится Великий князь, когда известят его о славной победе. Алексею было всё равно, кто доложит первым. Пусть Коршунов, пусть сам губернатор, так или иначе Константин захочет с ними побеседовать отдельно, для выяснения подробностей. Ольге не терпелось прямо на перроне заявить о своих гениальных идеях, без которых невозможно было бы раскрыть и уничтожить шайку.

— Ты меня за плечи подтолкнёшь, он же не видел меня в лицо. Приедет злым, так сразу порадую. Губернатор с губернаторшей опешат, поприветствовать не успеют, — Оленька испытующе поглядывала на супруга озорными глазками.

— И чем ты порадуешь?

— Скажу: «Мы удачно поохотились с Алексеем. Вам не успели доложить ещё, а Тихону Мяснику конец, всей шайке конец. Деньги мы нашли, всех поймали, разоблачили. Мы полиции нос утёрли». Разве я не помогала?

Граф и графиня поглядывали в разные стороны пролётки, перекидываясь шутливыми фразами. Извозчик явно не спешил и почему-то вздумал ехать узкими закоулками, как будто нарочно выбирая самый ухабистый путь. Сзади, шагах в пятидесяти, неотступно следовала за ними зелёная бричка. Трагическое происшествие с Любавиным и последующие дни приучили Алексея быть внимательным и осторожным. Казалось, опасаться больше некого, но рожа подгонявшего соседнюю бричку рыжеволосого верзила выглядела уж больно отвратно, даже зловеще. Да и собственный Ванька странно пучил глаза, частенько озираясь. И тут новая неожиданность — Ванька на повороте резко остановил пролетку, шустро прыгнул и метнулся в полуоткрытую дверь дровяного сарая. Алексей, встав во весь рост, выхватил револьвер. В этот момент бричка поравнялась с пролеткой и рыжий, опасливо покосившись на наставленное оружие, подстегнув лошадь, быстро обогнал их и скрылся за поворотом. Всё произошло стремительно, за какие-то несколько секунд. Ольга с удивлением уставилась на супруга:

— Ты его пистолетом напугал?

— Тебе внимательней следует быть, — с досадой проворчал Алексей. — Я вытащил пистолет после того, как мужик сбежал. Вон колымага обогнала, странные люди в ней. Там второй ещё сидел, жаль, рожу не разглядел. Если не появится через полминуты, я погонять буду, а появится, я его же кнутом ему всыплю.

Мужик вернулся через минуту. Виновато моргая глазами, залепетал:

— Ваша милость, брюхо свело. Приспичило. До ужаста нужда припёрла, спасу терпеть не было!

— Как ты смеешь, болван, при моей супруге о таком?! Бери вожжи, пшёл!

Алексей оценил случившееся как комичную ситуацию и быстро успокоился. Ольга позволила себе даже посмеяться. Прибыли на Николаевский вокзал в прекраснейшем настроении.

Тайный визит Великого князя собрал больше сотни встречающих. Избранное общество состояло в основном из полицейских чиновников разных рангов и их дамской половины. Жаль без времени покинувшего сей мир Любавина. Нашёл бы он здесь Понькину, ещё кое-кого из бывших, и кое-кого приметил бы на будущее. Внезапное посещение царственной особы означало для полицейских очень многое. Все уже знали о разгромленной шайке, все принимали деятельное участие в разгроме, всем хотелось наград и поздравлений. Оркестр стоял наготове, раздражая хаотическими звуками настраиваемых инструментов.

Жилистый, сутуловатый Коршунов, эффектно жестикуюя руками, что-то доказывал незнакомому статскому советнику. (Просто удивительно, как обер-полицмейстер похож на Порфирия.) Плюнув под ноги своему товарищу, он ухватил за грудки ещё одну жертву — жандармского штабс-ротмистра. Тот после минуты наставлений деятельно побежал распорядиться жиденьким оцеплением. Зоркие глаза шефа полиции приметили Алексея с нарядной супругой. Раскинув руки в отеческих объятиях, радушно улыбаясь, он приблизился:

— Ты уж, Алексей Тимофеевич, не забывая наш уговор, — с заискивающей учтивостью пробасил Коршунов. — Вы, милейшая Ольга Ивановна, самая очаровательная из всех присутствующих, — он лукаво подмигнул ей. — Мне представили своих верных спутниц жизни все

мои подчинённые. Пока вы не появились, Ольга Ивановна, самой привлекательной казалась вон та милая блондинка. А с какой любовью и преданностью она на супруга поглядывает!

Алексей с Ольгой направили взоры в указанном направлении. Верная спутница Маслова нежно прижалась белокурой головкой к атлетическому плечу Володеньки. Можно было ожидать дальнейших разъяснений Коршунова: назовёт имя и фамилию её, а потом доказывая своей собственной спутнице про визит к блёклой даме средних лет. Опять повезло.

— Вот он! Вон, подлый, стоит! — забыв про красавиц, злобно проскрежетал обер-полицмейстер.

— Кто? — с надеждой спросил побледневший Алексей.

— Сам Синельников. Тихо, не спугнуть бы. Вон тот, с тонкими усиками, в фуражке. Сейчас его скрутим. За его спиной твой приятель Штерн.

— От барона не уйдёт, он уже стережёт изменника. Николай знает всё, не упустит, — с радостью подхватил Алексей.

— Если сейчас свяжем разбойника, да при таком скопище блистательной публики, нам конфуза не избежать, — пустился в горькие размышления обер-полицмейстер. — Газетчики проникли, склочное племя. Раздуют пасквиль, бестии. Синельников, видать, прямо из Серпухова на встречу попал, наверняка вынюхивает, не опоздать бы.

— Я тоже с него глаз не спущу, давайте после встречи с Константином тихонько заманим в укромный уголок и руки повяжем, — подсказал Алексей.

— Черт возьми! Смотрите, служащий бежит и руками машет! В колокол ударили! Никак пыхтит паровоз уже! Я сейчас ещё двоим прикажу следить за Синельниковым, потом арестуем, — потрясённо пробасил Коршунов и быстрым шагом двинулся решать, казалось бы, обычное полицейское дело.

Через десять минут чрезвычайный поезд с дымом и скрежетом остановился на перроне. Среди избранных нашлись такие, которым дозволилось приблизиться к вагону. Алексей с Ольгой оказались в их числе. Из вагона вышли два гвардейских офицера, заняв пост у дверей. Следом вынырнул сам Великий князь, за ним

вереница сопровождающих. Оркестр дружно грянул «Боже, царя храни». Константин Николаевич хмуро глянул на встречающих, но этикет не нарушил, приняв приветствие генерал-губернатора. Коршунова и Алексея с супругой, казалось, не хотел замечать.

Паровоз шумно сотрясался, выпуская пар, громыхал оркестр, и не было слышно, о чём перекрикивались Константин с губернатором. Через три минуты музыка стихла, Великий князь взмахом руки запретил продолжать церемониал новой мелодией. Нашлось время выслушать Коршунова, Алексей же, находящийся в каких-то пяти шагах, опять остался незамеченным. Обер-полицмейстер пробасил приветствие, помянул о полнейшем порядке в первопрестольной, о десятке арестованных по делу Мясника и не забыл указать рукой на любимчика. Так прямо и сказал:

— Ваше императорское высочество, признаюсь в полном проигрыше, пари проиграли мы. — Коршунов, разведя руки, поклонился Алексею. — Ваш гвардейский агент ухватился за ниточку, что мы ему предоставили, и тянул, и тянул, без сна, без отдыха, и откуда у него столько сил и смелости? Француз Видок перед русским самородком затмился. Вот стоит настоящий герой, спаситель отечества!

Великий князь подозрительно глянул на Алексея, затем, ухватив Коршунова под руку, отвёл на два шага в сторону. Говорил быстро что-то, притом позволил себе пару раз трянуть ошарашенного старика за плечо. Лицо обер-полицмейстера вытянулось, заметно побледнело. Он отрицательно мотал головой, выслушивая гневную речь.

— Нет, нет! Я не писал, здесь чей-то подлый донос! Позвольте взглянуть?! — вскричал отчаянно полицмейстер.

Константин Николаевич подал вчетверо сложенный лист бумаги. Через минуту Коршунов радостно провозгласил:

— Женская рука писала! Сургуч наш, оттиск наш, а рука не наша. В нашем тайном ведомстве женский пол отсутствует. Я выясню, чья подделка, голову оторву! Алексей Тимофеевич, подойди, милый, к нам.

Держась за руки, молодые супруги приблизились.

— Изволь взглянуть, от газетчиков можно

пасквиль ожидать, а тут кто-то из своих напакостил.

Коршунов подал Алексею исписанный корявой рукой лист. Внизу стояла сургучная печать департамента полиции. Донос полностью посвящён был ему, но прочитать удалось лишь несколько первых предложений. Великий князь вырвал послание и спрятал его в карман.

— Сейчас не время разбирательством при людях заниматься, потом вам представится время. Значит, ты не подвёл меня, выиграл сражение? — с гордой улыбкой произнёс Константин.

За героя ответила супруга:

— Мы выиграли, я тоже ночи не спала, сердцем почувствовала, где можно найти Мясника, — выпалив это, Оленька с опозданием сделала реверанс. Захотела продолжить: — Женское чутьё...

Но её бесцеремонно перебил Коршунов:

— Так извольте, милейшая Ольга Ивановна, спросить? Чьё женское чутьё вздумало крамольничать на вашего супруга? Кляuzu подмахнула моим именем. Уж не та ли это... Хм, хм, — и он многозначительно подмигнул Алексею.

— Совсем другой почерк, нет ошибок, и вообще буквы пляшут, неровные. Писала особа нервного склада, скорей всего, под диктовку, — снял нелепое подозрение Алексей.

— Мне бы взглянуть на почерк, а лучше показать Штерну, злодей хилый, ваши люди без него управятся.

Ольга сочла вмешательство Коршунова неуважением к себе, отомстив тонким намёком о присутствии какого-то злодея. Великий князь галантно поклонился, поцеловал руку у раскрасневшейся молодой графини. Попросил разъяснить таинственный намёк:

— Неужели не всех арестовали?

— Так вон стоит продажный полицейский! Он вместе с Мясником устраивал налёты, отправил двух задержанных разбойников, чтобы следы запутать. Да вот он, с усиками, возле той блондинки! — потом Ольга обратилась к Коршунову: — Что-то не разглядела в ней особой прелести.

Обер-полицмейстеру оставалось только рявкнуть:

— Взять его! Взять разбойника!

Громкая команда пушечным выстрелом пробила монотонный гул толпы.

Синельников испуганно поэзирался, попы-

тался проскользнуть меж особ женского пола. Ловкий манёвр предотвратил барон Штерн, грудью загородив дорогу. По бокам титулярного советника как из-под земли возникли двое крепких мужчин. Извивавшегося в сильной хватке, без фуражки, сникшего Синельникова выволокли на общий обзор.

Так благодаря Ольге, прилюдно, да ещё в присутствии Великого князя, произошло задержание опасного преступника.

Коршунов вздумал избавиться от тяжелой обузы давать объяснение случившемуся. Взвалил всё на хрупкие плечи молодой графини:

— Ольга Ивановна, вы про чутьё своё изложите их императорскому высочеству. Позвольте мне распорядиться насчёт арестованного?

С ехидной ухмылкой шеф полиции удалился. Константин Николаевич спросил:

— Вы поясните, милейшая. С чего этот господин такую внезапную ретираду затеял?

— На воре и шапка горит. Слишком много злодеев, потому я решила позволить себе потребовать ареста его прямо при вас. А вдруг сбежит?! — разъяснила ситуацию Ольга.

Коршунов уже успел вытащить у Синельникова из кармана пистолет. Толпа ухнула. Великий князь удивлённо обронил:

— Это же надо такое?! Я так испугался, что, пожалуй, уеду сейчас назад. Ольга Ивановна, останусь, если вы будете оберегать меня от разбойников.

Генерал-губернатор недоволен что-то забурчал про себя. Перевести всё в шутку не хватило ума. Оправдался как мог:

— Это недоразумение! Где ни появится сей молодой человек, всюду одни убитые и всюду одни недоразумения. Я отвечаю за порядок. Позвольте мне лично проводить вас до кареты?

— Где же тут порядок, если мне указывают верные люди на присутствие вооружённых убийц? Нам ещё предстоит долго с вами беседовать о настоящем порядке. Пока признайтесь в проигранном пари, — грозно изрёк Константин.

Великий князь не стал ожидать ответа, повернулся к молодым людям и учтиво взял их под руки.

— Победителей не судят, ваше императорское высочество. Но вы, оказывается, двух агентов направили, а в споре говорили про одного, — нашёл чем отшутиться губернатор.

Великий князь гордо шествовал, держа под руки двух верных агентов. Улыбающаяся публика расступалась перед ними. Алексей невольно задел плечом Маслову, хотя походило, что она подставила своё плечико намеренно. Невинные глаза равнодушно глянули на него и вновь восторженно обратились к собственному супругу. Возле разукрашенной золотом губернаторской кареты Константин Николаевич, тяжело вздохнув, высказался:

— Меня самого как грязью окатило, когда прочитал в поезде мерзкий донос. Я получил его в пятидесяти верстах отсюда, на разъездном полустанке. Вручил мне коллежский регистратор департамента путей сообщений, сказал — доставлено сие письмо нарочным от обер-полицмейстера. Мне уже это показалось странным, но мы же не в Европе живём, у нас всюду странности и всё по-русски. Пусть твоя очаровательная супруга проведёт собственное дознание, — Великий князь торжественно отдал Ольге донос и продолжил шутливым тоном: — Может быть, Ольга Ивановна всей шайке головы поотрывала, а ты у неё на побегушках был? Я могу вас, Ольга Ивановна, устроить в Министерство внутренних дел, выхлопотать чин статского советника. А его куда? Коллежским регистратором депеши разносить? Зато при вас и при деле. Ха-ха-ха. Намечается пир для служителей Фемиды. Всех пригласили к губернатору. Мне предстоит выслушивать их хвалебные речи, смотреть на их физиономии. Больше часа не высижу, у меня уже болит голова, в дороге растрясло, напереживался. Да ну их всех, но не могу. Завтра хочу с вами в спокойной обстановке встретиться. Расскажите в подробностях о схватке с Мясником, а сегодня я не готов и пока попрошу сопроводить меня.

Ольга, держа в руке донос, смело заявила:

— А я не хочу, чтобы на меня глазели полицейские. Вот завтра с величайшей радостью с вами побеседую. Расскажу во всех подробностях о наших ошибках, сомнениях, мы же не сразу вышли на верный путь. На меня Владимир Сергеевич дуется, губернатор обиделся из-за какого-то разбойника. Я отпущу своего коллежского регистратора на часок, но не больше. Пусть вас сопроводит и тотчас домой, — Ольга рассмеялась.

— Правильно, нечего там делать, — Алексей

расцеловал подругу. — Я постараюсь наладить прежние отношения с Коршуновым, с градоначальником примириться поможет Константин Николаевич.

Глава 33

Великолепном губернаторском экипаже разместились вдвоём. Константин Николаевич через открытые дверцы вынужден был отдавать распоряжения свите, ожидать, пока заполнится кавалькада карет сопровождающих. Гвардейский эскорт занял положенные места, и наконец-то тронулись.

Алексей знал наверняка, что рано или поздно Константину доложат об отпущенной на свободу Марии. В начатом расследовании упрямо указывалось на её деятельное участие во многих преступлениях. Труп Колбасникова и деньги нашли на её квартире. Надо оправдаться, пока они наедине. Оправдать хотелось саму виновницу, заручиться высочайшей опекой.

Алексей не стал дожидаться расспросов, сразу принялся описывать удивительную судьбу своей пассии. Мясник и изменники словно были забыты, но вскоре дошло до её московских похождений, и тут рассеянно слушающий Константин с неким сладострастием выложил:

— Я так и знал! Ты под её юбкой тайну нашёл. Там место примечательное, и таких искателей не счесть, но ты превзошёл всех. Я очень устал, говори короче.

— Вы почти угадали. Но тайна обнаружилась под другой юбкой. Я лишь хотел добиться вашего снисхождения к раскаявшейся грешнице.

— Раз ты её исповедал и всё сказанное правда, прощаю. Видать, ты усердно рыскал под юбками и какой-то дамочке не угодил. Вспоминай, кому? Кто был посвящён во все тайны следствия? Кто знал о моём приезде, знал, где остановится поезд, знал о каждом твоём шаге?

Алексей призадумался. Перед глазами закачала бёдрами искусительница Маслова. Силился заменить её, но некем. Ей-то зачем? Ума великого написать донос не нужно, вот осуществить передачу, зная точно время остановки поезда на жалком полустанке, мог только человек, близкий Коршунову или близкий губернатору. Но кто? Все раздумья зашли в тупик.

— Я прочитал всего несколько строчек, в чём суть кляузы?

— В том, что ты вор и убийца. Полиция давно напала на след шайки, а ты только мешался, убивал всех подряд, чтобы завладеть их сокровищами. Убил благороднейшего, честнейшего человека, приревновав к своей любовнице Эльви́ре. Той, о которой распинался пятнадцать минут. Убитую жертву звали Люб... Люб... Забыл.

— Любавин, Любавин! Мерзкий негодяй, — вскричал Алексей. — И зачем писать донос, если через час всё выяснилось? Какая-то глупость, сумасшествие. Так лихо всё обтяпать, раздобыть печать, уже заранее зная результат. Сиюминутный всплеск эмоций, иначе этот поступок не назовёшь.

— Ты высказался? А теперь припомни, не заметил ли ещё каких странностей? — спросил Великий князь.

— Сегодня их хватало. Сперва нашлись оборванцы и обломали два колеса на карете князя Васильчикова. Мы только собрались ехать, так не смогли, взяли подвернувшегося извозчика. И тот повёл себя странно — озирался беспричинно, вёз дикими закоулками, потом вовсе отчудил — взял и выпрыгнул на повороте. Если бы только это. За нами увязались дрожки, и правил ими здоровенный рыжий детина. Ещё до того, как мужик сбежал, пять кварталов не отступали. Я боевым чутьём почуял опасность и хватать ваш подарок, шестизарядный пистолет. Пуганул. Они обогнали и скрылись, тут же Ванька объявился и давай оправдываться, что нужда крепко припёрла. Ну, вот и всё. Рыжего хорошо запомнил, но там ещё один ехал и рожу воротил.

— Ты где-то умный, где-то дурак. Учужал опасность и схватился за револьвер, но почему у тебя ума хватило Ольгу Ивановну одну домой отправить? Без провожатых, одну! Может быть, я ошибаюсь, и дай Бог так. Мало тебе странностей!

— Она же объяснила, почему покинула нас... Ой, какой же я дурак! — бледнея, воскликнул Алексей. — Я прямо сейчас, остановите карету! Домой помчусь, домой!

— Не горячись так. Я думаю, всё обойдётся. Мы уже приехали, и я немедленно пошлю конного офицера, — начал успокаивать Константин. — Меньше чем через полчаса доложит, что всё в порядке. Не переживай.

Вереница карет въехала во двор губернаторского дворца. Великий князь не стал дожидаться, пока откроют дверь, ловко выпрыгнул и быстрым шагом подошёл к офицеру эскорта. Шумящая толпа закрыла видимость, но всё же Алексей сумел разглядеть галопом помчавшегося гвардейца.

Гости заходили в богато обставленную залу, где суеилось с полсотни лакеев. Коршунов попытался взять под руку Алексея, желая усадить рядом собой. Наградив обер-полицмейстера угрюмым взглядом, молодой граф отстранился.

Томительные минуты ожидания заставляли трепетно биться сердце, давило в висках, вся напыщенная публика как будто нарочно противно шуршала накрахмаленными воротниками и манжетами, приторно пахла духами и порошком от блох. Скромного молодого человека без всяких наград в обычном партикулярном платье замечать уже не хотели. Был Великий князь, был сам генерал-губернатор, шеф полиции, собственные начальники рангом пониже, и вполне хватало, на кого кидать подобострастные взгляды.

Алексей сетовал на свою опасную невнимательность, вспоминая курьёзный случай с тёмно-зелеными дрожками. Внешность одного совершенно растворилась в сознании, второй же, наоборот, прекрасно запомнился. Выделялся высоким ростом, огненно-рыжими волосами, сбитыми в стог, и примечательным носом: широковатым, усыпанным веснушками. Ещё присутствовала небольшая, тоже рыжая, козлиная бородка. Этот яркий образ всплывал перед глазами, и Алексей силился припомнить детали. Вроде на нём был серый сюртук и серебряный значок какого-то благотворительного общества. Только какого? Если встреча с дрожками не случайна, то попробуй догадаться, чей это человек? Но есть же какой-то враг, интриган, скорей всего завистник, и он обязательно присутствует на торжестве! Глупенькая Маслова отпадала, а вот Коршунов очень подходил. С виду простой и добрый, но Алексею вспоминались и другие черты характера: надменность, упрямство и властность. Только он, больше некому интриговать. Такой ради собственной карьеры готов на любую гнусность: «Если бы Рыжий меня убил, то донос вполне бы сошёл за правду. Предусмотрел, подлец, неудачу, потому написано

женской рукой. Неспроста ты похож на убийцу Порфирия...» Даже на войне к врагам, убивавшим и калечащим его товарищей, не было такой злобы, как к этому напыщенному главному полицейскому чину и его сатрапам.

Алексей сидел, совершенно не слушая и не замечая никого. Напрягся пружиной, когда посылный гвардейский офицер склонился перед Великим князем. Через несколько секунд у Константина проскользнула лёгкая улыбка. Молодой граф обмяк, ощущая приятную слабость, злость сменилась безвольным равнодушием. Чувствуя сухость во рту, противореча застольному этикету, он самолично налил два бокала вина и залпом осушил их. Дама по соседству удивлённо ойкнула, видя, как бесцеремонно он воспользовался её бокалом. Пора было уходить, просто мечталось побыстрее обнять свою Оленьку, из-за которой так сильно пришлось переживать. Он поднялся и твёрдой походкой направился к Великому князю. Константин тоже встал, двинулся в его сторону. Обхватив любимчика за талию, отвёл в пустующий конец залы. Присутствующие мужчины все как один встали, дамы заёрзали на стульях, уставившись на уединившуюся пару.

— Ну, милый друг, вижу, ты спешишь к отважной супруге. Ты счастливчик, завидую тебе. Мне ещё час нужно терпеть полицейское общество ради их победы. Ха-ха-ха! — Константин хитро подмигнул: — Завтра, здесь, часикам к двенадцати жду настоящих победителей. А с Ольгой Ивановной всё в порядке, она дома ждёт тебя.

— Так офицер видел её?

— Не знаю, не знаю. Может быть, у слуг выпросил. Приехала, говорит, на извозчикьей пролётке за десять минут до него. Всё хорошо, не переживай. Кстати, Коршунов на вас не сердится, со смехом рассказывал, как ни к селу ни к городу появился этот разбойник. Задумали его без лишнего шума связать, ан нет. Отлично придумала Ольга Ивановна, впервые не в театре, наяву лицеизрел захват отъявленного выродка. Владимир Сергеевич вкратце поведал мне о твоих подвигах. Иди, милый, отдыхай.

Штерн ждал уже Алексея на выходе из залы.

— Куда это ты так рано собрался? Где Оленька? — широко улыбаясь, спросил он.

— Зверски болит голова.

— Видел тестя моего? Забыл про болезни, приперся. Место Колбасникова вакантно, вот и понадеялся на фарт. Возьми мой шарабан, жеребца поставишь в конюшню к князю, потом забери.

— А откуда ты знаешь, что у меня нет кареты? — недоверчиво спросил Алексей.

— Я видел, как вы из пролётки выходили. Бери, мигом домчишься. Я с тестем вернусь на его карете. Коньяк дерьмо, кстати. А вон тёща сидит, признала тебя. Завтра весь день со смеха кататься будем.

Через пять минут Алексей уже погонял резвого жеребца.

Глава 34

Слава Богу, всё обошлось. Столь скорый приезд Алексея Оленька восприняла за трогательную заботу о себе. Побыстрее уединилась с любимым, и это дало повод. Прошедшие переживания у супруга чудеснейшим образом превратились в неистовство. Гвардейский напор хрупкое создание перенесло стойко, но с ощутимыми потерями. Утром разболелась голова, ужасные круги под глазами. В таком виде нельзя к Великому князю. Жаль, конечно, но в Петербурге ещё не раз доведётся. «Пусть мужчины беседуют о мужском, я их только смущать буду. Мне бы сойтись с его супругой...» — здраво рассудила Ольга и отпустила Алексея одного..

Экипаж Васильчикова успели наладить, и ровно к двенадцати молодой граф прибыл в губернаторский дворец. Казалось, что знакомый офицер охраны давно ждёт его. Через пару минут разодетого столичным франтом полковника вежливо проводили в приёмную залу. Константин при всех наградах выглядел на удивление бодро и загадочно улыбался. Рядом стоял не менее бодрый Коршунов.

— До чего ты везуч! Ловко избежал погибели, — улыбаясь, пробасил полицмейстер, протягивая свою жилистую руку. Алексей подумал, что это своего рода приветствие. Видать, Коршунов успел более подробно разузнать о всех опасностях, подстерегавших селёдочника. Константин не подал руки, приблизившись, обнял любимчика и опроверг проскочившую у Алексея мыслишку:

— Любавский, или как там его, — начал удив-

лять Константин.— Из могилы вчера вторично на тебя покушался. Уже пойман убийца и наниматель. Мы не шутим. Владимир Сергеич поведал мне вкратце, сейчас выложит всё подробно.

— Слушай, слушай, Алёшенька, — бодро затрубил Коршунов. — Мне всё не давал покоя чёртов донос. Я и ночью почти не спал, ворочался. Примчался в департамент, ещё семи не было, и сразу в присутствии, где обычно курьеры собираются. Смотрю: двое, хорошо. Кто такие, спрашиваю. Один представился Канавкиным, кандидатом на классный чин. Второй назвался Сопляковым, коллежским регистратором. Я их отблагодарил за усердие, за то, что бдят и являются вовремя на службу. Ну, говорю, молодцы, получите прогонные и дуйте в Осокино. Это тот самый полустанок. И чтоб вывели, что за личность вчера кляuzu передала. Каков лицом, рост, возраст и прочее. Смотрю, один побледнел и затрясся. Вот, думаю, и меня везение посетило. Как гаркнул на него: «Ах ты, паскудник, покусились клеветать через царствующий дом! Сие преступление государственное, сенатская комиссия сочтёт тебя за бунтаря, сеющего смуту!» Подействовало. Упал в слезах на колени. Я его за шиворот и в свой кабинет. Сопляков во всём покался.

Состоял он в письмоносцах при надворном советнике Копытове, частенько навещал на дому начальника и был примечен его супругой. Дамочка из материнских чувств за кудряшки потреплет курьера, поручения даст, короче говоря, приглянулся он ей как исполнительный и ретивый.

Коршунов засмеялся, издавая звуки, напоминавшие свиное хрюканье. Алексей сразу вспомнил про некую мадам Копытову, ту самую, которую на похоронах Любавина долго приводили в чувство. И ещё вездесущая балаболка Маслова про неё насплетничала. Теперь ясно, чья женская рука состряпала донос. Одних пикантных подробностей не хватает. Хрюканье закончилось, и Коршунов со значимостью поднял палец:

— Ты догадываешься, куда я клоню?

— Кудрявый выискал-таки, где кудряшки у мадам? Что тут непонятного, — весело выпалил Алексей, но на циничное высказыванье никто даже не улыбнулся. Коршунов серьёзно забасил:

— Сперва Сопляков преуспел в том, о чём ты догадался, но потом его отстранили и понизили.

Мадам в тайне от него приобрела себе более кудрявого и умелого. Сопляков глупо обрадовался: слишком уж требовательна надворная советница. Но недолго бездельничал. Вскоре пристрелили умельца. Женщина обезумела от утраты, а так как ты слишком громко селёдками торговал, сумела многое о тебе разузнать. Распалённая в гнев Копытова весьма ко времени увидела Соплякова. Она, изливаясь слезами, поведала ему об ужасной трагедии, из-за которой была готова наложить на себя руки. Оказывается, в их семейное гнёздышко проник хищный и развратный агент-селёдочник. В отсутствие домашних, привыкший к безнаказанности молодчик снасильничал над беззащитной хозяйкой. Супругу о таком не принято жаловаться. В более близком, курьере Соплякове, оскорблённая душа искала сочувствия. Кудрявый любовник не остался безучастным, воспыал гневом. Момент удачный. Опозоренная Дульсинья взалкала к отважному идальго. Пусть кровью обидчика поквитается за поруганную честь. Ещё ему наобещали повышение в чине и изрядную сумму. Кудрявый рыцарь чуть в штаны не наложил со страха. Вот до чего шашни доводят. Но быстро оправился и посоветовал бескровную месть. Пройдоха знал про приезд Константина Николаевича. В целях безопасности мы многих наших служителей известили. Уняв страсти, он сказал, что лично доложит справедливейшему из людей о всех проделках разнузданного графа. Найдётся на него управа. Мстительница видит, что сопливый любовник слабоват — «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Так созрела писанина, написанная её корявой рукой. Добавлю ещё: Кудрявый получил двести рублей на путевые расходы, и в том вся его вина. Правда, он и помог мне изрядно, этим сгладив проступок. Рассказал про поддельную печать, хранившуюся у Копытова, и с её слов всё, что знает о Рогатом. В горячей постели опостылевший супруг поносился последними словами. Он и в махинациях мастак, и вымогатель, взятками окормляется. Так раскрылась первая часть дела. Это ещё цветочки, слушай про ягодки. Поддельная печать — прекрасный повод для обыска. С целым отрядом помчался в змеиное гнездо. Пospели к восьми, супруги ещё дрыхли в разных постелях. И приступили рыскать. Нашлась печать, нашлись улики, обличающие Копытова в подделках

и махинациях. Я с допросом к едва прочухавшейся мадам. Приняла меня за Соплякова и давай плести: ты, такой-сякой, снасильничал, фамильные драгоценности уволок, убил благороднейшего Любавина, ну всю свою писанину повторила. И некому заступиться за несчастную. Катается по полу, рвёт на себе волосы, собственного Рогача в грязи катает. Он — тоже вор, вымогатель, поколачивает частенько её, невинную. Ну, ну, думаю, и взять с тебя нечего, только посочувствовать. Тут мои гаврики нарыскали двухнарезной штуцерный пистолет. Новинка из дорогих. Под ним пятьсот рублей ассигнациями и запечатанное письмо с адресатом. И всё это в её бюро, где одно бабье: щипчики, склянки, помадки. Хочу ознакомиться с письмом, вскрываю. Истеричка валится в обморок. Послушай, послушай. Я захватил с собой улику: «Лаврентий Фомич, моему долготерпению приходит конец. Вчера не сумел убить моего врага, так сейчас отличись. Для тебя дело привычное. Ежели опять упустишь, пеняй на себя. Лучше беги из Москвы, я немедленно донесу на тебя. За убийство надзирателя и побег из острога ждёт тебя виселица. Не забывай. Посылаю пятьсот рублей на хорошую экипировку и пистолет, который не подведёт. Вид на жительство и обещанное после исполнения дела. Захвати все мои письма к тебе. Жду с победой». Так-то, Алёша. Очень вовремя мы успели. Не успела она посылку отправить. Я приказал Копытовых в тюрьму, сам взял троих и по указанному адресу, к Лаврентию Фомичу. С трудом управились со здоровяком. Вон, лацкан надорван.

— Здоровяк рыжий такой? — спросил Алексей, уже не сомневаясь, что давешний верзила в бричке и есть тот самый Лаврентий Фомич.

— Рыжий, рыжий, мне Константин Николаевич рассказал про вчерашнюю охоту на тебя.

Алексей вспомнил:

— Так он что, и колёса пообломал у Васильчикова? Хитёр.

— Пока не дознались. Некому больше, — махнул рукой Коршунов. — У Соплякова дело судное. Как с ним? От вас зависит.

— Да черт с ним, — помиловал Алексей.

— Если в покушении не участвовал, всыпать ему крепко, — утвердил помилованье Константин.

Алексей в задумчивости произнёс:

— Во всей истории виноват Любавин, из могилы напакостничал. Он не только соблазнил истеричную Копытову, но ещё довёл до крайнего безумия. Я бы и её простил.

— Нет уж, нет! — замахал руками Коршунов. — Хватит с тебя одной дамочки. Брось милосердничать.

— Я больше не вмешиваюсь, не вмешиваюсь, — отрёкся Великий князь. — Но мне очень с вами, господа, интересно. Не в театре смотришь на плод фантазии сочинителя, в жизни. Все эти дипломатические приёмы, напыщенные слова, в которых сплошь лесть и обман, утомили. Право, утомили. Сейчас смотришь на правду и дивишься. Спасибо вам за вчерашнее представление и за теперешнее. Владимир Сергеевич, могли бы и меня захватить к этим Копытовым. Донос меня тоже касался. Что вы так оплошали?

— Больше не повторится, — Алексея захватила азартная идея. — Сейчас перед вами раскроется занавес. Новый фарс. Едем арестовывать опаснейшего шпиона.

— Какого шпиона? — наострился полицеймейстер. — Ты мне не дашь спокойно умереть. И так все тюрьмы переполнены. Надо бы пару нижних чинов...

— А моя охрана? — нашёл выход Константин, в предчувствии потирая руки. — Ты в трёх словах, Алёша. Куда нас заманиваешь?

— Владимир Сергеевич по сих пор не может мне простить отпущенную Крючкову. И напрасно. Есть лазутчик, рыскавший много лет вдоль наших южных фортов. Под видом торговых дел он выведывал и доносил туркам. Допросим его со всей строгостью, и он подтвердит, как рассчитывались за его услуги невольницами и среди них была моя подопечная. Она прошла через ужасы унижений, некому было протянуть руку, все в грязь толкали, но она омылась и уже чиста. Шпион расскажет про её судьбу.

— Она тебе про шпиона сказала? — настороженно спросил князь. — Больно напыщенно, по-театральному излагаешь. Вот где фантазия сочинителя.

— Она, я ей верю, — беззаботно ответил Алексей.

— Ты про свою пассиву вчера двадцать минут распинался. Не верю, — топнул ногой Константин. — От женщин ты сам не свой. Вон, Копытова... И оброгатит, и соврёт. Мало тебе

примеров. Будь у неприятеля в передовых редурах женщины, ты на штурм не пойдёшь, поползёшь сдаваться. Опройдошила тебя матёрая мошенница, заполучила свободу и такова. Ты — кролик перед удавом, и сам в лживую пасть залез. Шпиона и в помине нет.

Коршунов с улыбкой поддержал князя:

— Может быть, есть какой-нибудь, ей навредивший. Спустим на него собак и что? Актёры-убивцы уже были, теперь шпион. Ха, ха.

Любитель заключать пари внезапно загорелся:

— Почему бы не навестить мифического шпиона. Я на пари. Ведь проиграешь.

— Почему бы нет, — быстро согласился Алексей.

— Что в моих силах, даже выхлопочу тебе генерал-губернаторство. А проиграешь, пеняй на себя. Упеку в женский монастырь. Пожизненно.

Алексей сноровисто, ударом здоровой ноги, распахнул дверь лавки, учтиво предлагая первым посетить скобяную торговлю Константину Николаевичу. Тот в блистательном парадном мундире, сияя двумя орденскими звёздами на груди, величественно зашёл внутрь. Алексей прошмыгнул у него под плечом, окидывая взглядом убогое пространство лавки, набитой медными чайниками, самоварами, сковородками и прочим хозяйственным скарбом. Две чернявые женщины средних лет, похоже сёстры, изумлённо уставились на внезапных посетителей. Единственный покупатель — низкорослый мужичок в красной навывпуск рубахе, сперва набожно перекрестился, затем, сдернув с головы суконную шапчонку, сломался в поклоне до самого пола.

— Где Григорий Козладуполос, ваш хозяин?! — громким голосом Алексей обратился к одной из сестёр.

— Козодополос, — скромно поправила женщина. — Он сейчас явится до вас.

Многострадальный Гриша-шпион не заставил себя звать и, как призрак, бесшумно возник в проходе. Что ж, Мария в своём красочном повествовании немало уделила внимания этому герою. Щуплый, лет пятидесяти, до отвратного некрасивый, с полдюжиной синеватых отметин на лысом черепе.

— Гриша, кто ж тебе голову так исполосовал? — ласково заметил Алексей.

Лавочник застенчиво потупил взор, не решаясь ответить.

— Извольте представить вам, ваше императорское высочество, Григорий Козладуполос, это он и есть, — громогласно доложил полковник. — Про него турки докладывали, называя лучшим лазутчиком на всём Востоке. Они думали, сгинул неверный или мы не найдём. Нашли. Гришенька, подними глазки и посмотри, кто пришёл проведать тебя. Обер-лицмейстер Владимир Сергеевич Коршунов заглянул за покупкой. Верёвочку купить желает. Ему бы подешевле, можно совсем тонюсенькую, лишь бы три пуда выдержала. Ты же не больше трёх пудов вешишь?

— Я пренебрегал торговыми интересами, а больше из познавательных целей, я ради милосердия выкупал несчастных невольников. Меня оговорили, я не виноват! — испуганно протараторил Гриша.

— Ты, коли познавал Восток, должен знать, что для них дипломатические выгоды куда важнее, чем участь жалкого изменника. Турки презирают что своих, что чужих изменников и сами выдали всех. Мир заключён, дурак. Есть в экзекуторской планы укреплений фортов, твоей рукой обозначенные. Тебя давно приговорили к повешению и суда не будет, был уже, — Алексей обратился к Константину Николаевичу, незаметно подмигнув. — Ваше императорское высочество, вы хотели присутствовать при казни и ради того приехали в Москву. Вы не против, если его здесь вздёрнем?

Константин утвердительно хмыкнул.

— Лампа навесная крепкая, а вон верёвочка, мы за три минуты управимся.

Алексей потянулся проверить на прочность трёхрожковую лампу. Удовлетворённо подметил:

— Осталось петельку сделать, и можно приступать.

Посеревший Гриша плюхнулся на колени. Быстро пополз в сторону Великого князя.

— Милосердие проявите! Милосердие проявите! Я всю правду как на духу выложу!

— Говори, нечестивец! — презрительно глядя сверху вниз, снизошёл Константин.

— От меня нисколечки вреда, — завыл лазутчик. — Туркам всякую путаницу доносил, путал их, меня дважды колотили басурмане.

Лишь бы отстали от меня, потому и приходи-лось. Я по военной части полнейший дурак, какой прок с меня?

— Ты докладывал, и есть свидетели, о количестве орудий, о численности гарнизонов, о прибытии казачьего подкрепления, — возразил Алексей.

Лавочник не посмел оглянуться. Чужа надежду на спасение, плаксиво принялся заверять, что является неплохим лазутчиком, многое уже выведал:

— Я знаю, кто мадеру в собственном подвале фальшивит, после торгует по девяносто пять копеек за бутылку. Я знаю двоих, кто краденое у воров скупает. Знаю, по соседству в дворниках обитает из беглых крестьян и ещё знаю про одну наглую воровку, её по всей империи рыщут, а она туточки пристроилась и в ус не дует. Я очень много знаю, и такого, такого знаю...

— Ты обстоятельно расскажешь, — Великий князь не смог скрыть свою заинтересованность. — Повесить тебя всегда успеем. Только покаянная искренность облегчит твою участь. Начни с воровки.

— Я... я боюсь, — и Гриша со страхом устался на Коршунова, как будто узнав его.

— Я из тебя страх вышибу, сволочь! — вскипел обер-полицмейстер. — Я тебе побоюсь!

Скорчив страдальчески лицо, с надрывным стоном Гриша уронил голову к коленям. Корявый палец указывал на шефа полиции.

— Они, они вхожи в дом воровки. Я их боюсь, на вас уповаю, защиту прошу! — утробно заверещал лавочник. — Я их вместе видел в казённой карете, и ещё один из полицейских генералов в моей бедной лавочке расправами грозился. Она на содержании у них.

Алексей, Коршунов и князь почти одновременно разразились смехом. Обер-полицмейстер первым угомонился и весело похвалил за правдивость:

— Молодец, смело высказался.

Его поддержал Константин:

— Говори про мадам Крючкову, и только правду.

Гриша седьмым чувством осознал, откуда дует ветер. Великий князь превратился ещё в одного ухажёра ловкой Эльвиры. Посещение высоких персон обойдётся ему привычными тумачами. Верёвка на этот раз отменяется.

— Я вырвал Эльвиру из рук кровожадных курдов. Ей хотели язык отрезать, а я спас, выходил. И вот чем она мне отплатила, — Гриша гордо засвидетельствовал шрамы на лысеющей голове. — Зубы мне выбили по её прихоти, глаза меня чуть не лишили, и обокрала меня. Я по греховности человеческой был к ней несправедлив, так рассчитался сполна за всё страданиями. Она в присутствии статского советника сказала, что простила меня. Вы у ней самой спросите.

— Ты про сиротское заведение мадам Марины поведай, — торжествуя очередную победу, напомнил Алексей.

Гриша уже окончательно почувствовал себя спасённым, оставалось теперь за откровения добиться похвалы.

— У кого власть и деньги, тем красота вокруг себя необходима. Дома у них красивые, мебель всякая, статуи и картины, а если с живыми пообщаться, так им тоже красавиц подавай. Мадам ихним интересам потакала. Я-то человек маленький, на меня наступят, раздавят и не заметят. Меня в моей лавочке уже поколотили высокие полицейские чины, а в Одессе могли бы до смерти забить. На что имеется спрос, тем и торгуют. Это я насчёт красавиц мадам Загорской. Так ей и надо, ей за дело Эльвирочка Львовна голову проломила. И мне за дело перепало. Я в своё время пристроил Эльвирочку в сиротское заведение, так меня за рекомендации лакеи Загорской плетями отблагодарили.

— Ты опять хочешь плетями отделаться? — заметив переменившееся настроение Гриши, строго спросил Коршунов.

— Вы же общаетесь с ней, в Москве тоже умеют ценить красоту. Меня Эльвирочка простила, но если вы от себя желаете, то лучше по щекам меня набейте.

На этот раз рассмеялись даже офицеры охраны. Константин со слезой махнул рукой.

— Пусть его в тюрьму доставят, мне интересно знать про все одесские безобразия. Григорий, ты не пугайся имён, называй всех, замешанных в неблагоприятных делах.

— Мадерой поддельной вся Москва наводнена, утоплю тебя в бочке, если спутал чего, — Коршунова тоже заинтересовали Гришины откровения.

Константин, подхватив за локоть Алексея, вывел его из душевой лавки. Неутомимый обер-полицмейстер остался исполнять свой долг.

— Ловко ты разоблачил этого жалкого человечку. Страхом заставил его быть откровенным, — уже находясь в карете, заметил Великий князь.

— Страх прошёл, уже не доказать, что он шпион и преступник, — задумчиво ответил Алексей.

— Он при мне признался, и этого достаточно, но я не хочу о нём больше думать, мне нужно рассчитываться с тобой за проигранное пари.

— Первое моё желание — побыстрее попасть домой. Второе — получить пятьдесят тысяч за голову Мясника. Третье — давно обещанный отпуск. И всё. Как в сказке про три желания.

— Тебе срочно нужны деньги?

— Я издержался, и мне нужно из той суммы выплатить моим помощникам.

— Ты не только Мясника убил, ты всю Москву встряхнул, ты из могилы вытащил Клима Рогожку, десятки негодных чиновников и надзирателей ждут своего часа в тюрьме. Называй всех, кто заслужил награду, проси для верных людей что хочешь, а приз заберешь весь до последней копейки себе.

— Я должен принести жертву. Это не мои деньги, не мои. Вас легко разжалобить, и момент удачный, только удач мне потом не видеть.

— Ты суеверный или мистик? Как тебя понимать?

— Мистика в переводе означает «тайна». Тайну эту я сердцем понимаю. Эльвира, или Мария, много мне раскрыла таинственного, и я всего лишь приношу маленькую жертву. Ничтожную жертву. Я не скажу, сколько и кому отдам, и больше пятидесяти не возьму. И вот ещё что. Отважному вахмистру прошу присвоить офицерский чин, коллежскому асессору Маслову пора стать надворным советником, думаю, он вполне заслуживает должность товарища обер-полицмейстера. Титулярный советник Полянский, минуя чин асессора, должен получить тоже надворного советника. Можно Штерна повесить, Миланова тоже, и юный Кузя Титов пусть не останется без внимания.

— Я не запомнил, ты мне опиши достоинства каждого, и всех повьсят, обещаю тебе. Ты отыскал врагов, и ты отыскал достойных и честных. Ты — баловень фортуны. Хочешь задобрить её лёгкой и доступной жертвой?

□

Дмитрий Павлович РЫМКЕВИЧ

родился в 1952 г. в Ленинграде.

Окончил ЛГПИ им. А.И. Герцена. Проживает в Петрозаводске.

С юношеских лет увлекается историей,

коллекционирует документы и нагрудные знаки царских времен.

Писать начал пять лет назад, и давнее увлечение подсказало эпоху,

к которой обращается автор в своем романе «Селёдочник».

В журнале «Север» публикуется впервые.

